Стихотворенія.

Н. М. Соколовъ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1899 г.

ЛЕГЕНДЫ и ДУМЫ.

ГРАФЪ НЕВЕРЪ.

Графъ Неверъ... Да что̀ съ нимъ сталось?
Этотъ праздникъ—для чего?
Никогда такимъ веселымъ
Не видали мы его.

Вѣчно строгій, вѣчно хмурый,
Вѣчно въ думы погруженъ,
Веселѣе всѣхъ, казалось,
На пиру сегодня онъ.

— Графъ Неверъ, а мнѣ сдается,—
Я ему смѣясь сказалъ,—
Не спроста на этотъ праздникъ
Ты сегодня насъ позвалъ.

— Мнѣ сдается, въ этихъ залахъ
Скоро новый пиръ насъ ждетъ,
Въ старый замокъ молодую
Графъ графиню приведетъ.

— Если такъ, полнѣй бокалы!
Старой доблести примѣръ,
Не послѣднимъ будетъ въ родѣ
Славныхъ графовъ графъ Неверъ!

— Пусть во вѣки родъ Неверовъ,
Старой славой славный родъ
Старой Франціи на славу
Новыхъ рыцарей даетъ!

— За невѣсту молодую
Пью до дна я свой бокалъ...
Если только этотъ праздникъ
Я сегодня разгадалъ...

Но съ улыбкою веселой
Мнѣ Неверъ сказалъ въ отвѣтъ:
„И сегодня, какъ и прежде,
У меня невѣсты нѣтъ.

„Правда, этотъ день мнѣ дорогъ.
Почему,—узнаешь самъ.
Если хочешь, въ старомъ паркѣ
Свой отвѣтъ тебѣ я дамъ:

„Въ старомъ паркѣ зрѣли думы,
И рождались, и цвѣли“...
И, не зная, что̀ и думать,
Мы за графомъ въ паркъ пошли.

Въ старомъ паркѣ—тоже праздникъ,
Праздникъ солнца... Пышетъ зной,
Неподвиженъ стройный тополь,
Пахнетъ скошенной травой,

Сыплетъ пыль струя фонтана,
Надъ цвѣткомъ гудитъ пчела,
Отъ зеленыхъ липъ въ аллеѣ
Тѣнь прозрачная легла,

Рдѣетъ макъ, цвѣтутъ жасмины
И вѣтвистый, старый кленъ
Надъ фамильнымъ склепомъ графовъ
Дремлетъ, въ думы погруженъ.

Склепъ открытъ. Тамъ стукъ и пѣсни,
Смѣхъ и говоръ молодой.
Кто тревожитъ въ старомъ склепѣ
Сонъ Неверовъ вѣковой?

То ваятель-итальянецъ
Молоткомъ о камень бьетъ,
Это онъ съ учениками
И смѣется, и поетъ.

Въ красныхъ шапочкахъ, съ рѣзцами,
Съ молотками, всѣ въ пыли,
Эти пѣсни издалека
Итальянцы принесли.

Тешутъ мраморъ, чистятъ бюсты,
Мозаикой кроютъ полъ...
Графъ по мраморнымъ ступенькамъ
Съ нами въ темный склепъ вошелъ...

Росписныя стекла стелютъ
На полу цвѣтную тѣнь...
— Добрый день, синьоръ маэстро!
Вамъ, синьоры, добрый день!

Новый гробъ долбитъ ваятель,
Сыплетъ на полъ пыль и соръ,
Тешетъ мраморъ, гробъ готовитъ...
— Мнѣ ли это?—Вамъ, синьоръ! —

— Это мнѣ!.. И графъ на мраморъ
Молча руку положилъ,
Что-то долго, долго думалъ
И опять заговорилъ.

— Мнѣ... Здѣсь тихо, здѣсь прохладно,
Здѣсь Неверовъ вся семья...
А за паркомъ жизни шумной
Бьетъ тревожная струя...

— Чѣмъ-то новымъ что-то вѣетъ...
Какъ-то мнѣ не по себѣ,
Какъ-то странно глухо сердце
Къ этой жизни и борьбѣ...

— Часто ночью въ часъ печали
Въ этотъ склепъ я уходилъ
Тосковать и думы думать
На камняхъ родныхъ могилъ.

— И порою мѣсяцъ блѣдный
Озарялъ своимъ лучомъ
Фантастическія тѣни
Въ нашемъ склепѣ родовомъ.

— Изъ могилъ встаютъ Неверы...
Скорбны мертвыя черты...
И въ морщинахъ ихъ глубокій
Слѣдъ тоскующей мечты...

— И они въ глаза мнѣ смотрятъ,
И пытливъ ихъ взглядъ нѣмой,
И какъ будто тяжело имъ
Тосковать моей тоской.

— Цѣлый день меня сжигаетъ
Мертвый пламень ихъ очей...
Что смущаетъ, что тревожитъ
Сонъ тоскующихъ тѣней?...

— Но недавно, въ часъ полночи,
Съ горностаемъ на плечахъ,
Старый прадѣдъ такъ сказалъ мнѣ
Съ кроткой ласкою въ очахъ:

„Не томись, не мучься... Съ нами
Рядомъ гробъ себѣ построй,
И желѣзною рѣшеткой
Двери въ этотъ склепъ закрой,

„И умри... Тогда спокойно
Рядомъ всѣ мы здѣсь уснемъ.
Мы послѣдняго Невера
Здѣсь давно съ тоскою ждемъ....

„Ты придешь, и дверь закроютъ,
Будетъ въ сборѣ весь нашъ родъ.
Новый родичъ съ новой смертью
Къ этой двери не придетъ.

„Мечъ разбей: то мечъ—Неверовъ.
Онъ другимъ—не по рукѣ.
Нашей славы слѣдъ кровавый
На его стальномъ клинкѣ.

„Гербъ нашъ здѣсь поставь, надъ нами...
Мертвой ратью вкругъ него
Ляжемъ мы въ гробахъ на стражѣ
Чести рода своего“...

— Эту ночь я до разсвѣта
Въ нашемъ паркѣ пробродилъ,
Въ эту ночь я словно крылья
За плечами ощутилъ,

— Словно геній смерти кротко
Наклонился надо мной,
Словно снялъ онъ съ тихой лаской
Тяжкій гнетъ съ души больной.

— Вотъ мой гробъ — въ ряду послѣдній!..
Склепъ нашъ теменъ и высокъ...
Любо слушать мнѣ, какъ звонко
Бьетъ о камень молотокъ!

— Какъ мнѣ милъ маэстро старый,
Итальянской пѣсни ладъ!
Какъ спокойно лица предковъ
На меня со стѣнъ глядятъ!

— Лучшій пиръ мой — пиръ послѣдній!..
Въ зàмокъ, въ зàмокъ!.. Всѣ за мной!..
Сердце жадно проситъ смѣха,
Проситъ пѣсни молодой...

И опять и смѣхъ, и пѣсни,
И вино въ бокалахъ бьетъ...
Графъ Неверъ, послѣдній въ родѣ,
Намъ послѣдній пиръ даетъ...

Саратовъ.
1893, 23 іюня.

VAE VICTIS!..

...И показался на конѣ
При кликахъ войска вождь веселый, —
Рога на шлемѣ, на спинѣ
Медвѣжьей шкуры мѣхъ тяжелый.

Весь въ мылѣ, конь степной подъ нимъ
Звенитъ серебрянымъ наборомъ...
И бросилъ вождь на волчій Римъ
Своихъ медвѣдей властнымъ взоромъ...

Предъ мощью алчныхъ дикарей
Орлы былыхъ побѣдъ склонились,—
Въ тотъ день у гордыхъ алтарей
Напрасно женщины молились,

Въ тотъ день державный пурпуръ тогъ
И сто̀лу съ плечъ верховной жрицы
Свирѣпый варваръ рвалъ и жегъ
Въ гнѣздѣ затравленной волчицы,

Въ тотъ день тонулъ въ крови весь Римъ
И ночь его въ огнѣ застала...
И долго зарево надъ нимъ
Зловѣщимъ призракомъ стояло,

И искры сыпались, какъ дождь,
Вились, какъ змѣи, клубы дыма,
Когда съ дружиной грозный вождь
Скакалъ по звонкимъ плитамъ Рима...

При видѣ крови и огня
Онъ въ изступленьи дикомъ во̀питъ
И утомленнаго коня
Бичемъ изломаннымъ торопитъ.

Весь Римъ въ крови, въ огнѣ весь Римъ,
Онъ, гордый Римъ, предъ нимъ склонился...
И вдругъ предъ портикомъ однимъ
Могучій вождь остановился...

Слегка склонившись надъ лукой,
Изъ-за щита, какъ зоркій кречетъ,
Зачѣмъ онъ, сжавъ копье рукой,
На ликъ богини взоры мечетъ?..

Откуда, въ блескѣ красоты,
На землю къ намъ она явилась?
Какой таинственной мечты
На ней святыня отразилась?

Онъ, этотъ камень, онъ живетъ!...
Сквозь мраморъ грудь богини дышитъ...
Ужель она съ своихъ высотъ
Своихъ жрецовъ молитвы слышитъ?..

Или сегодня передъ нимъ,
Какъ жалкій рабъ, въ презрѣнномъ страхѣ,
Еще не весь склонился Римъ,
Не весь дрожитъ предъ нимъ во прахѣ?

Онъ хочетъ крови, хочетъ слезъ,
Онъ приметъ этотъ вызовъ новый!..
И вождь копье свое занесъ,
Въ богиню имъ метнуть готовый...

Зачѣмъ же на ея челѣ
Нѣтъ ни смущенья, ни тревоги?
Иль снова ходятъ по землѣ
Среди людей живые боги?

Какимъ божественнымъ огнемъ
Безсмертный ликъ ея сіяетъ!..
И вождь, закрывъ себя щитомъ,
Копье тихонько опускаетъ...

1894, 1 ноября.

МЕЛХОЛА [1]).

I.

Въ тронномъ залѣ держатъ хоры
Сорокъ кедровъ съ горъ Ливана,
Въ тронномъ залѣ у Давида
Кипарисъ и дубъ Васана,

[1]) Дочь Саула, жена Давида. Она молодой дѣвушкой полюбила Давида, тогда простого воина. Саулъ съ ея помощью хотѣлъ погубить Давида, но жена спасла мужа (кн. Царствъ, 19, 11—17). Съ этого времени начинается скитальческая жизнь Давида. Въ теченіе семнадцати лѣтъ онъ ведетъ борьбу съ Сауломъ и истребляетъ почти весь «домъ» его. Мелхола стала женою Фалтіила, сына Селимова, въ Варакимѣ. Одолѣвъ враговъ, при переговорахъ въ Ѳеламѣ съ Авениромъ, полководцемъ Саула, первымъ условіемъ мирнаго договора Давидъ поставилъ возвращеніе ему Мелхолы (II кн. Царствъ, 3, 12—16). Когда Мелхола вернулась къ Давиду, у него было десять новыхъ женъ и «кедровый» дворецъ, по тому времени чудо строительнаго искусства. Къ этому времени относится и перенесеніе въ Сіонъ Кивота Завѣта. Подробности поэмы основаны на II кн. Царствъ, 6, 16—23, гдѣ подчеркнута высокомѣрная гордость Мелхолы, единственной принцессы царской крови въ «домѣ Давида».

У Давида въ тронномъ залѣ
Стѣны убраны коврами,
Тяжело тирійскій пурпуръ
Гнется въ складкахъ межъ столбами,

На треножникахъ изъ бронзы
Съ трескомъ тлѣетъ передъ трономъ
Въ золоченыхъ вазахъ мирра
Съ аравійскимъ киннамономъ,

У столбовъ въ жаровняхъ въ струйкахъ
Вьется пламя голубое
Отъ душистыхъ смолъ мастики,
Теревинѳа и алòэ.

Въ тронномъ залѣ у Давида
Десять новыхъ женъ у оконъ,
Шелеститъ виссонъ и пурпуръ,
Непослушный вьется локонъ, —

Тонкой скованы цѣпочкой,
На ногахъ звенятъ браслеты,
На цѣпочкахъ изъ топазовъ
Въ ожерельяхъ амулеты,

Въ аметистахъ тонкій обручъ
Надъ бровями низко гнется, —
Легкимъ эхомъ въ тронномъ залѣ
Звонъ подвѣсокъ отдается.....

Женскій говоръ, женскій лепетъ
Съ серебристымъ женскимъ смѣхомъ
Подъ столбами въ тронномъ залѣ
Отдается легкимъ эхомъ...

Словно жемчугъ струй фонтана,
Сыплетъ эхо эти трели,
Словно гдѣ-то за горою
По утру звенятъ свирѣли...

Но, скрестивъ спокойно руки
На груди, въ плащѣ широкомъ
У окна стоитъ Мелхола,
Смотритъ вдаль пытливымъ окомъ...

У окна стоитъ Мелхола,
Молча смотритъ дочь Саула, —
Легкой змѣйкою улыбка
На губахъ ея заснула, —

Гордо сдвинутыя брови,
Тонкій профиль, станъ царицы,
Бѣглой тѣнью глазъ газели
Кроютъ длинныя рѣсницы, —

Подъ прозрачнымъ покрываломъ
Черныхъ косъ живыя змѣи
Обвиваютъ блѣдный мраморъ
Лебединой, гордой шеи,

Блѣдный лобъ дугой алмазной
Діадема обогнула...
У окна стоитъ Мелхола,
Молча смотритъ дочь Саула...

II.

За толпой толпы народа,
Путь усыпанъ весь цвѣтами,
Вѣютъ пальмы и оливы
Высоко надъ головами...

За толпой толпы народа,
Ожиданьемъ блещутъ взоры,
Все слышнѣе за горою
Клики, музыка и хоры...

Рогъ звучитъ, труба запѣла,
Громъ кимваловъ, крикъ привѣта,
Надъ толпой несутъ левиты
На плечахъ Кивотъ Завѣта...

За толпой толпы народа
Къ городскимъ бѣгутъ воротамъ,
Плачутъ флейты, стонутъ бубны, —
Пляшетъ царь передъ Кивотомъ...

Пляшетъ царь передъ Кивотомъ, —
Стонутъ нѣжныя цѣвницы,

Тяжело гремятъ кимвалы, —
Пляшетъ царь безъ багряницы...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ, —
Безъ конца восторгъ въ Сіонѣ,
Отстегнувъ алмазный поясъ,
Пляшетъ царь въ одномъ хитонѣ...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ,
Пѣсней праздникъ славятъ хоры, —
Умиленьемъ и восторгомъ
Блещутъ женъ Давида взоры.....

Серебристый женскій лепетъ,
Переливный жемчугъ смѣха,
Звонъ цѣпочекъ и браслетовъ
Далеко относитъ эхо...

Но, надменно сдвинувъ брови,
Гордо выгнувъ станъ высокій,
Отъ окна ушла Мелхола,
Завернувшись въ плащъ широкій....

III.

Конченъ праздникъ, смолкли хоры,
Въ храмъ кивотъ внесли левиты,
Во дворецъ при звукѣ трубномъ
Новый царь идетъ со свитой...

У дворца толпой пугливой
Жены ждутъ царя для встрѣчи, —
Въ смуглой ручкѣ яркій пурпуръ
Закрываетъ грудь и плечи,

Въ смуглой ручкѣ тихо гнется,
Какъ отъ вѣтра опахало,
Какъ за дымомъ блещутъ глазки
Сквозь двойное покрывало...

Впереди стоитъ Мелхола,
Губы сжаты въ думѣ строгой,
Сквозь рѣсницы взоры блещутъ
Затаенною тревогой,

На челѣ бѣлѣе снѣга
Въ скорби тайной думы стынутъ,
Темносиній плащъ небрежно
За плечо слегка откинутъ,

Подъ плащемъ волной тяжелой
Грудь въ порывѣ гнѣвномъ ходитъ...
Ко дворцу при звукѣ трубномъ
Улыбаясь царь подходитъ...

— О, Давидъ, съ какимъ восторгомъ
Мы тебя сегодня ждали!
Нѣтъ, такой чудесной пляски
До сихъ поръ мы не видали!

— На потѣху черни грубой
Предъ рабынями, въ Сіонѣ,
У дворца плясалъ сегодня
Царь-плясунъ въ одномъ хитонѣ!

— Царь-плясунъ, шутовъ великихъ
Меркнетъ слава предъ тобою!
Легче всѣхъ тимпанъ тяжелый
Ты несешь надъ головою! —

Вздрогнулъ царь, подъ гнѣвной бровью
Словно молнія сверкнула...
— Знай, сегодня первый праздникъ
Нашей славы, дочь Саула!..

— Помни, твой отецъ не сыну
Отдалъ скипетръ и корону!
Я иду при звукѣ трубномъ
Властелиномъ по Сіону!..

— Домъ мой, знай, великъ и славенъ,
Дочь Саула, не тобою!
Захочу я — и рабыню
Царской мантіей покрою!

— Не унизитъ нашей славы
Въ этотъ день твоя обида!
Самъ Господь надъ вашимъ домомъ
Возвеличилъ домъ Давида! —

— Царь, судить о славѣ новой,
Дочь Саула, я не смѣю!..
Я сегодня любовалась
Ловкой пляскою твоею...

— Изъ семьи Саула, знаю,
Я одна въ живыхъ осталась..
На обломкахъ нашей славы
Ваша слава создавалась...

— Только помни, царь Сіона,
Что Мелхола не забыла,
Какъ Давида дочь Саула
Въ бѣдномъ воинѣ любила!..

Помнишь ночь? Отца клевреты
Наши двери сторожили...
Знала я, убить Давида
Во дворцѣ въ ту ночь рѣшили...

— Крѣпко дверь копьемъ задвинувъ,
Я твой плащъ съ моимъ связала
И одна тебя впотемкахъ
За окно въ ту ночь спускала.

— На постели нашей куклу [1])
Я покрыла козьимъ мѣхомъ,
Свѣтъ зажгла и смѣло вышла
Я къ врагамъ твоимъ со смѣхомъ...

[1]) Собственно—„терафима“

— Такъ Давида отъ погони
Укрывала дочь Саула!
Такъ отца въ ту ночь Мелхола
Ради мужа обманула!.. —

— А потомъ другого мужа
Ты нашла и полюбила!..
Одолѣвъ враговъ, я силой
Взялъ тебя отъ Фалтіила! —

— Такъ зачѣмъ же ты, безумецъ,
Посылалъ вождей за мною?
Въ день разлуки бѣдный Фалтій
Горько плакалъ надъ женою!..

— Весь въ слезахъ, за колесницей
Онъ бѣжалъ до Варакима,
На меня смотрѣлъ и плакалъ,
Плакалъ Фалтій, сынъ Селима...

— Слушай, гордый царь Сіона!..
Въ Варакимѣ я не знала,
Что тогда на скомороха
Фалтіила я мѣняла! —

И, надменно сдвинувъ брови,
Гордо выгнувъ станъ высокій,
Отъ дворца ушла Мелхола,
Завернувшись въ плащъ широкій...

IV.

Съ той поры въ очахъ Мелхолы
Стынетъ въ гнѣвной мглѣ обида,
Съ той поры къ ея покоямъ
Дверь закрыта для Давида...

Цѣлый день коверъ опущенъ
Надъ ея окномъ тяжелый.
Съ той поры никто въ Сіонѣ
Не видалъ лица Мелхолы...

Но когда на кровлѣ плоской
Ночь на стражѣ ставитъ тѣни,
Безъ огня она выходитъ
И садится на ступени...

Ночь была... Вдали на кровляхъ
Огоньки порой мелькали,
Гдѣ-то съ тихой грустью струны
Нѣжной лютни рокотали,

Чей-то голосъ лютнѣ вторилъ,
Въ жгучей нѣгѣ изнывая,
Съ тихой жалобой разлуки
Безнадежно замирая...

Смолкла лютня, пѣсня гаснетъ, —
Только тихо пальмѣ стройной

Что-то робко и тревожно
Шепчетъ вѣтеръ безпокойный, —

Только смѣлыми лучами
Неба пламенныя очи
Изумруды и алмазы
Сыплютъ въ сумракъ лѣтней ночи, —

Только въ воды Іордана
Съ неба смотритъ мѣсяцъ полный,
Стелетъ съ берега на берегъ
Мостъ жемчужный черезъ волны...

Меркнутъ звѣзды, мѣсяцъ гаснетъ,
Ночь и стынетъ, и блѣднѣетъ,
Словно кровь на перламутрѣ
Предъ зарей востокъ алѣетъ...

Ночь безъ вѣтра на долины
Съ горъ прохладою дышала,
Но зари въ ту ночь Мелхола
На востокѣ не видала...

Въ эту ночь на плоской кровлѣ
До зари она застыла...
До зари рукой холодной
Смерть глаза ея закрыла...

1894, ноября 23.

ЦАРИЦА МЫСЛЬ.

Царица мысль!.. Вѣнокъ душистыхъ розъ,
Стыдливо на челѣ зардѣвшись бѣлоснѣжномъ,
Чуть оттѣнилъ твой взоръ, безсмертныхъ полный
грезъ,
Глубокій, ласковый и нѣжный...

Посланница небесъ, ты шла въ толпѣ людской,
Вся вдохновенная, чарующе-простая,
И всѣхъ тоскующихъ звала ты за собой
На пиръ, царица молодая.

И подневольный рабъ, измученный нуждой,
Шелъ за тобой, какъ гордый царь вселенной,
Слагая гимнъ невѣстѣ молодой,
Взволнованъ страстью вдохновенной.

Ты въ міръ несла надзвѣздной жизни сны,
Въ яремъ земли цвѣты небесъ вплетая...

И тѣни блѣдныя забытой старины
Свои могилы оставляя,

Живымъ шептали вновь мечты погибшихъ дней,
Въ прозрачномъ сумракѣ грядущее свѣтилось,
И сердце сонное измученныхъ людей
Вновь жизнью радостною билось...

Такою въ первый разъ тебя я увидалъ,
Царица чудная и вѣчно молодая!..
До той поры, безпечный, я вѣнчалъ
Свое чело, тебя не зная,

Наивной радости и жизни молодой
Недолговѣчными, но яркими цвѣтами,
И, убаюканный минутною мечтой,
Я спалъ съ открытыми глазами!..

Я увидалъ тебя, царица мощныхъ думъ!
И сердце дрогнуло невѣдомой тоскою,
И проклялъ я безпечной жизни шумъ,
И зарыдалъ передъ тобою...

И за тобой, влюбленный, я бѣжалъ,
Я звалъ тебя на пиръ любви счастливой,
Придти ко мнѣ тебя я заклиналъ,
И вновь рыдалъ, нетерпѣливый...

Я бросилъ все, чѣмъ прежде счастливъ былъ,
Безсонныхъ думъ волненіемъ тревожнымъ
Измученный, всѣмъ сердцемъ полюбилъ
Я сонъ о счастьѣ невозможномъ...

Горѣлъ мой мозгъ невѣдомымъ огнемъ,
Больная грудь порывисто вздымалась,
Молчала ночь — и тихо подъ окномъ
Ко мнѣ царица постучалась...

Она пришла и скорбный, блѣдный ликъ,
Слезами жгучаго страданія облитый,
Я увидалъ и головой поникъ
Подъ пыткой грусти ядовитой...

Безсильная, упавъ передо мной,
Она въ отчаяньи порывисто рыдала,
И руки блѣдныя съ какою-то тоской,
Въ какомъ-то ужасѣ ломала...

Я цѣловалъ черты ея лица,
Чтобы согрѣть холодное страданье,
Но все лились рыданья безъ конца,
Непобѣдимыя рыданья...

И съ той поры въ мой скорбный домъ она
Приходитъ часто, полная тоскою,
Задумчива, безмолвна и блѣдна,
Сидитъ всю ночь передо мною...

И вспыхнетъ смѣхъ въ чертахъ ея порой,
Зловѣщій смѣхъ, всесильный и холодный,
И встанетъ, мощная, она передо мной
Съ улыбкой скорби неисходной...

И, непонятная, божественнымъ огнемъ
Нѣмыхъ міровъ освѣтитъ вереницы,
Въ движеніи застывшихъ вѣковомъ,
Счастливыхъ грезъ моихъ гробницы...

И въ нихъ ничтожнаго, въ ярмѣ тупой нужды,
Раба голоднаго покажетъ,—человѣка,
Его безплодные и жалкіе труды,
И рабство вольное отъ вѣка...

И открывается въ видѣніи судьба,
Обвившая, какъ жертву змѣй голодный,
Цѣпями ржавыми безсильнаго раба,
Нѣмого въ мукѣ неисходной...

Любовь царицы сердце мнѣ сожгла,
Ея лобзанья мозгъ мой прожигаютъ,
И борозды средь блѣднаго чела,
Какъ плугъ желѣзный, пролагаютъ...

Какъ смерть, ея мучительна любовь!..
Она придетъ и, скорбная, тоскуетъ,
Рыдая, сердце мнѣ цѣлуетъ,
И пьетъ изъ сердца кровь...

Кто полюбилъ ее, тотъ не измѣнитъ ей,
Тотъ рабъ ея, кто разъ ее полюбитъ —
И ласками мучительныхъ ночей
Она любовника погубитъ...

Самара.
1884.

ЯДОВИТЫЙ ЦВѢТОКЪ.

I.

Просыпались поля подъ весеннимъ тепломъ,
Грохоталъ по оврагу ручей за селомъ,
Лебединою стаей въ выси голубой
Плыли бѣлыя тучки одна за одной,
Съ юга шумно летѣли домой журавли, —
Раннимъ утромъ въ саду по аллеѣ мы шли.
Намъ шептала весна, что въ саду мы одни,
Что настали счастливые, свѣтлые дни,
Что сегодня не можемъ мы съ нею молчать,
Что нельзя намъ завѣтную тайну скрывать...
Но, задумчивой грусти и нѣги полна,
Улыбаясь чему-то, молчала она...
По дорожкѣ къ бесѣдкѣ мы съ нею пошли, —
Тамъ, въ травѣ притаившись, фіалки цвѣли,
Тамъ жемчужной росой бѣлый ландышъ сверкалъ,
Тамъ на старомъ кустѣ лепестки раскрывалъ

Первой розы стыдливый, пугливый цвѣтокъ, —
Знойный лучъ по краямъ лепестковъ не обжегъ
Темнокраснаго пурпура жгучей струей, —
Онъ, блѣднѣя, дрожалъ подъ холодной росой...
И дрожала рука, что̀ его сорвала...
Въ чудныхъ глазкахъ какая-то дума легла,
На щекахъ горячо заиграла весна...
„Это — вамъ“, — застыдившись, шепнула она...
О, волшебныя чары влюбленныхъ рѣчей,
Это счастье любви въ блескѣ милыхъ очей,
И пугливая ласка, и лепетъ ея—
Только въ васъ вся отрада, вся жизнь для меня!..
    Я его цѣловалъ, я какъ счастье берегъ,
    Я отъ всѣхъ хоронилъ этотъ чудный цвѣтокъ!..

II.

Будьте прокляты вы, что нечистой рукой
Оскорбили надежды любви молодой!..
Вамъ ли было понять ея свѣтлые сны?
Ваше мертвое сердце не знало весны,
Ваше черствое счастье... Да стоитъ ли жить,
Если въ жизни нельзя ни мечтать, ни любить?!..
Помню лѣтнюю ночь... Знойной нѣги полна,
Изнывая отъ страсти томилась она,
Яркій жемчугъ лучей блѣдный мѣсяцъ съ тоской
Словно слезы ронялъ съ высоты голубой,

Звѣзды ясныхъ очей отвести не могли
Отъ роскошнаго сна истомленной земли,
Очарованный блескомъ, въ вѣтвяхъ вѣтерокъ,
Распустить свои крылья по волѣ не могъ,
Стройный тополь, какъ сказочный витязь въ бронѣ,
Чутко замеръ на стражѣ въ серебряномъ снѣ,
Наклоняясь въ истомѣ стыдливой мечты,
Горячо и тревожно дышали цвѣты...
Въ эту лѣтнюю ночь... Я ея не забылъ!..
Раскаленной доской черепъ мозгъ мнѣ давилъ,
Сердце, словно къ нему присосалась змѣя,
Изнывало въ тоскѣ, кровь струею огня
Жгла мнѣ грудь!.. Въ эту ночь обманули ее!..
Ради счастья другихъ, жизнь и счастье свое
Въ эту ночь беззаботно разбила она, —
Вся въ цвѣтахъ, безотчетной печали полна,
Шла ненужною жертвой ошибки чужой,
Къ новой жизни—холодной и шумно-пустой...
    Ядовитый цвѣтокъ, ядовитый цвѣтокъ,
    Это ты меня мучилъ и жегъ!..

III.

Годы шли и опять съ безконечной тоской
Я увидѣлъ ее... оскорбленной, больной,
Позабытой въ печали великой своей,
Одинокой среди равнодушныхъ людей...

У меня и со мной, какъ отъ страшнаго сна,
Отъ недавнихъ обидъ отдохнула она, —
Но печально на нѣжныя рѣчи мои
Отвѣчала словами не прежней любви...
Снова въ старомъ саду мы гуляли вдвоемъ, —
Пожелтѣвшіе листья пушистымъ ковромъ
Застилали дорожки, тревожно вдали
Передъ ночью скликались въ поляхъ журавли,
Догорала заря, глухо вѣтеръ шумѣлъ, —
Я въ рукахъ ея руки холодныя грѣлъ,
Цѣловалъ ея руки, шепталъ ей, что вновь
Намъ весна принесетъ и цвѣты, и любовь...
Но печально и кротко, какъ мраморъ блѣдна,
На меня безъ улыбки смотрѣла она,
Говорила, — спокойно, безъ жалобъ и слезъ, —
Что не ждетъ она больше ни солнца, ни розъ,
Что не вѣритъ надеждѣ, не вѣритъ веснѣ,
Что она не для счастья вернулась ко мнѣ,
Что устала она, что безумно мечтать,
Что пора и легко ей теперь умирать...
„Только, милый,“ — шептала она, — „отчего
„Я всю жизнь не для счастья жила твоего?
„Я любила тебя и теперь я люблю,
„И, любя, я всю жизнь погубила твою“...
Ядовитый цвѣтокъ, ядовитый цвѣтокъ,
Это ты ее мучилъ и жегъ!..

IV.

Въ ясный день я зимою ее хоронилъ,
Вѣтеръ снѣгомъ могилу ея заносилъ,
Осыпались морозною пылью кусты,
Глухо вьюга стонала, скрипѣли кресты,
Снѣгъ надъ полемъ крутился... Съ холодной тоской
Я съ кладбища одинъ воротился домой...
Солнце ярко свѣтило... На стеклахъ въ окнѣ
Прихотливый узоръ въ переливномъ огнѣ
Ткалъ прозрачную ткань по канвѣ серебра,
Разсыпались лучи надъ цвѣтами ковра,
На полу черезъ залъ стлали мостъ золотой
До камина, гдѣ тлѣлъ огонекъ голубой...
Мертвый домъ... Въ забытьи у камина я сѣлъ...
Поблѣднѣла заря, зимній день догорѣлъ,
Вечеръ долго стоялъ у меня подъ окномъ,
Ночь пришла, блѣдный мѣсяцъ живымъ серебромъ
Все одѣлъ, все зажегъ и съ пушистыхъ вѣтвей
Сыпалъ свѣтлыя искры алмазныхъ огней...
Отгорѣли огни... Ночь прошла... Я одинъ...
Все безмолвно кругомъ... Тихо гаснетъ каминъ...
Но не гаснетъ, не спитъ мое сердце... Отъ думъ
Цѣпенѣетъ усталый, измученный умъ...
И любовью нельзя для любви воскресить!..
Говорила она, что ей нечѣмъ любить,

Что разбитое сердце, усталую грудь
Передъ смертью надеждой нельзя обмануть...
„Я не въ силахъ любить, — говорила она, —
„И за то до весны умереть я должна“...
Все прошло, поздно новую жизнь начинать...
Умирая, учила она умирать...
    Ядовитый цвѣтокъ, ядовитый цвѣтокъ,
    Это ты меня мучилъ и жегъ...

1895, 11 февр.

Осень пѣсни ненастныя пѣла,—
Низко туча надъ полемъ летѣла,
Разсыпаясь холоднымъ дождемъ, —
Обнаженныя вѣтви качая,
Лѣсъ угрюмо шумѣлъ, умирая, —
Было пусто и глухо кругомъ...
    Только вѣтеръ да сосны шумѣли,
    Да какіе-то звуки звенѣли
    Надъ пустыми полями вдали...
    То скликались въ холодномъ просторѣ,
    Собираясь далеко, за море,
    Снаряжаясь въ походъ, журавли...
„Прочь отсюда!.. Здѣсь лѣсъ умираетъ,
„Здѣсь болота туманъ застилаетъ,
„Здѣсь подъ инеемъ стынетъ земля...
„Прочь отсюда!.. Здѣсь холодъ и вьюга...
„А подъ небомъ счастливаго юга
„И теперь зеленѣютъ поля...
    „Прочь отсюда!..“ Въ тяжеломъ недугѣ
    Лѣсъ подъ пѣсни о солнцѣ и югѣ

Только долго и глухо стоналъ...
Но не даромъ ихъ кличъ раздавался...
Чей-то голосъ на зовъ отозвался,
Кто-то изъ лѣсу имъ отвѣчалъ...
Ихъ товарищъ въ предсмертной дремотѣ
На холодномъ пустынномъ болотѣ
Подъ кустомъ, какъ забытый, лежалъ...
Опускались на зоркія очи
Тѣни блѣдныя смерти и ночи..
Онъ не слышалъ какъ лѣсъ умиралъ, —
Но разслышалъ онъ рѣчи родныя...
Тихо дрогнули крылья больныя,
Снова свѣтъ загорѣлся въ глазахъ,
Снова сердце въ груди застучало,
И взмахнулъ онъ крыломъ, какъ бывало,
И поднялся, и сталъ на ногахъ...
А надъ нимъ поднималася стая,
Рѣзкимъ крикомъ поля оглашая,
И тянула на югъ... Онъ узналъ,
Всѣхъ узналъ онъ въ строю ихъ летучемъ
И, какъ прежде, привѣтомъ могучимъ
На знакомый привѣтъ отвѣчалъ...
И въ послѣднемъ безумномъ усильи
Распахнулъ онъ широкія крылья,
Зашатался и — на землю легъ...
Голова, какъ чужая, упала,
Грудь въ холодную воду попала,
И расправить крыла онъ не могъ...

Распласталось, какъ мертвое, тѣло, —
Только сердце въ немъ скорбью горѣло,
Только слезы глаза его жгли,
Только видѣлъ онъ гаснущимъ окомъ
Какъ надъ нимъ въ перелетѣ высокомъ
Улетали на югъ журавли...

1888.

ВИДѢНІЕ КОСТЕЙ.

Іезекіиль, 37.

...И меркло солнце. Тѣнь кругомъ
Ложилась на холмы и долы...
Поникнувъ въ ужасѣ челомъ,
Я слышалъ вѣщіе глаголы...

И чудный вихрь, взметая прахъ,
Вдругъ налетѣлъ, повитый мглою,
Поднявъ на трепетныхъ крылахъ
Меня высоко надъ землею...

Погасъ огонь моихъ очей,
Въ тревогѣ чуткой сердце билось...
И на пескѣ чужихъ полей
Моя нога остановилась...

Открылся вновь тревожный взоръ...
А тамъ, отъ края и до края,

Небесъ безоблачный просторъ
Сіялъ, какъ риза голубая.

Подъ солнцемъ, въ искрахъ весь, горѣлъ
Песокъ пустыни раскаленной.
Казалось, воздухъ побѣлѣлъ,
Полдневнымъ зноемъ опаленный.

Ни горъ, ни пальмы вдалекѣ!..
Недвиженъ воздухъ, нѣтъ прохлады...
И только кости на пескѣ
Лежатъ кругомъ, пугая взгляды...

Ихъ солнце жгло, сушилъ песокъ,
Пустыня молча сторожила...
И все, что̀ тамъ я видѣть могъ,
О вѣчной смерти говорило...

И слезы жгли мои глаза,
И сердце мнѣ тоска сжигала,
И надо мною, какъ гроза,
Господне слово прозвучало...

„О чемъ печаль твоя, пророкъ?
„Иль эти кости, мнишь ты, живы?
„Или хранитъ сухой песокъ
„Живые всходы новой нивы?“ —

„И жизнь, и смерть — въ Твоей рукѣ...“
Я рекъ и вновь склонился долу,
Внимая въ страхѣ и тоскѣ
Съ небесъ гремѣвшему глаголу.

„Скажи да волею Моей
„Смерть разрушенье остановитъ
„И груды тлѣющихъ костей
„Для новой жизни приготовитъ...“

И я, — тревожный, вѣщій страхъ
Въ смущенномъ сердцѣ подавляя, —
Сталъ съ этой рѣчью на костяхъ,
Ихъ къ новой жизни призывая.

И замеръ звукъ моихъ рѣчей,
И тихо стало на мгновенье,
И пронеслось среди костей
Какъ будто вѣтра дуновенье...

Мгновенный шорохъ въ тишинѣ...
Вдали какъ будто тѣнь мелькнула...
И вновь беззвучно въ прежнемъ снѣ
Пустыня мертвая заснула.

Но жизнь, обвѣявъ все кругомъ,
Въ ея просторѣ разливалась...
И тихо на пескѣ сухомъ
Живые люди спятъ, казалось...

Еще, казалось, отзвучать
Въ устахъ ихъ слово не успѣло...
Казалось, сердце жить опять
И грудь опять дышать хотѣла...

Но смерть не отошла отъ нихъ,
Очей закрытыхъ не открыла
И новой жизни жертвъ своихъ
Не отдала еще могила...

„Пророкъ, возстань! Пусть все живетъ,
„Пусть очи видятъ, сердце бьется,
„Пусть жизнью жизни духъ дохнетъ
„И надъ пустыней пронесется...“

Въ испугѣ отъ своихъ рѣчей
Шепталъ я блѣдными устами:
„Отъ четырехъ вѣтровъ повѣй,
„Духъ жизни, жизнью надъ тѣлами

„Тебѣ Адонаи Господь
„Сюда велитъ сойти и вѣять,
„Вдохнуть дыханье въ эту плоть
„И смерти тлѣніе разсѣять“.

Сказалъ... и въ ужасѣ я ждалъ...
Встаютъ... и движутся... повсюду...
И я безъ силъ, какъ трупъ, упалъ,
Дивясь неслыханному чуду...

Заря погасла... Предъ собой
Я видѣлъ вновь огни Сіона.
Съ какой-то ласкою нѣмой
Смотрѣли звѣзды съ небосклона.

Шептались пальмы вдалекѣ.
Подъ легкой дымкою тумана
Прозрачной лентой на пескѣ
Лежали воды Іордана.

Надъ міромъ ночь незримо шла
И темный пологъ развивала...
Но какъ она была свѣтла,
Какое утро обѣщала!

Какой огонь мнѣ сердце жегъ!
О, мой народъ, какое слово
Въ пустынѣ слышалъ твой пророкъ!
Что̀ говорилъ ему Его̀ва!

Проснись, вставай, зажги огни,
Молись, и пой, и бей въ тимпаны!
Они уйдутъ, недуга дни,
Какъ утромъ съ берега туманы!

Еще вчера передъ тобой,
Полны и гнѣва, и печали,
Мои слова одной грозой,
Однимъ прещеніемъ дышали.

Съ тоскою приходилъ я къ вамъ,
Рабы грѣха, неправды, злобы!
Я думалъ, что отъ васъ вѣкамъ
Наслѣдьемъ будутъ только гробы!

Народъ, ты высохъ, какъ песокъ,
Въ грѣхѣ безплоденъ, какъ пустыня:
Тобою властвуетъ пророкъ,
Тобой поругана святыня!

Готовься, жди!.. Твой часъ насталъ
Въ своемъ паденіи безславный,
Погибнешь ты, какъ челнъ у скалъ,
Разбитый бурей своенравной!..

Но нѣтъ!.. Гдѣ Богъ, тамъ смерти нѣтъ,
Нѣтъ тлѣнья, праха, нѣтъ могилы!..
Гдѣ Онъ, тамъ жизнь, тепло и свѣтъ
Струятъ потоки вѣчной силы!..

1894, 17 янв.

ТРІУМФЪ КЛЕОПАТРЫ.

I.

Спи, Цезарь, спи... Но Птоломей
Своихъ очей сомкнуть не смѣетъ, —
Отъ хитрыхъ чаръ жены своей
Онъ оградить тебя съумѣетъ...

Своихъ пословъ, своихъ гонцовъ
Не шли къ египетской царицѣ:
Египта царь со всѣхъ концовъ
Загородилъ ей путь къ столицѣ.

Вездѣ войска, — и тамъ, и тутъ
Стоятъ посты сторожевые,
И гавань зорко стерегутъ
Его либурны боевыя...

Но кто тамъ въ жалкомъ челнокѣ
Свой грязный парусъ дерзко ставитъ?

Куда при легкомъ вѣтеркѣ
Онъ на разсвѣтѣ лодку правитъ?

Бѣднякъ въ худомъ мѣшкѣ везетъ
На рынокъ что-то на продажу...
О, для него ли царскій флотъ
Поставленъ въ гавани на стражу?

— Плыви, бѣднякъ!.. Челнокъ пустой
Качаютъ волны голубыя, —
За нимъ на стражѣ боевой
Стоятъ либурны боевыя.

Направо городъ, — рынокъ тамъ,
Налѣво царь дворцы поставилъ, —
И жалкій нищій по волнамъ
Налѣво свой челнокъ направилъ.

Съ размаху бросивъ на песокъ
Свой челнъ, пловецъ остановился,
Взвалилъ на плечи свой мѣшокъ
И съ нимъ онъ—къ Цезарю явился...

II.

И говорилъ Аполлодоръ:
„Сквозь цѣпь враговъ сторожевую
„Къ тебѣ, о Цезарь, я, какъ воръ,
„Привезъ добычу дорогую“...

Какъ змѣйка, что изъ тростника
Скользитъ у Нила въ почвѣ зыбкой,
Царица вышла изъ мѣшка,
Вся озаренная улыбкой.

Когда изъ пѣны надъ водой
Венера въ первый разъ явилась,
Такой побѣдной красотой
Лицо богини не свѣтилось...

Нѣтъ, Птоломей, не могъ сберечь
Ты отъ жены своей столицы:
Смотри, склонился римскій мечъ
Къ ногамъ египетской царицы, —

Свой лучшій мечъ къ ея ногамъ
Сложилъ въ восторгѣ Римъ державный —
И не твоимъ теперь мечамъ
Грозить царицѣ своенравной...

Капризной волею своей
Она отнынѣ міромъ правитъ
И въ римскихъ храмахъ Цезарь ей
Алтарь съ Венерой рядомъ ставитъ...

1895, 15 февр.

ВОЛШЕБНАЯ ПѢСНЯ.

(Испанская легенда)

I.

Не забытъ въ народной пѣснѣ
Холмъ высокій близъ Севильи,
Гдѣ стоялъ зубчатый замокъ
Герцогини Инезильи,

Гдѣ когда-то, — старый герцогъ
Бился съ маврами далеко, —
Молодая герцогиня
Тосковала одиноко,

Гдѣ когда-то, въ часъ заката
Герцогиня услыхала,
Какъ въ аллеѣ у балкона
Чья-то пѣсня прозвучала.

Это пѣлъ тотъ рыцарь блѣдный,
Плѣнникъ въ замкѣ ихъ высокомъ,
Что зачѣмъ-то все на сѣверъ
Молча смотритъ зоркимъ окомъ,

Что о чемъ-то все тоскуетъ,
Съ грустью тайной ждетъ чего-то,
Словно гордый левъ пустыни,
Что запутался въ тенета.

Этой пѣсни не слыхала
Никогда еще Севилья.
Какъ сквозь чудный сонъ, съ балкона
Ей внимала Инезилья.

Словно небо голубое
Вдругъ покрылось облаками,
Словно кто-то, сердцу близкій,
Плакалъ жгучими слезами,

Словно гдѣ-то прозвучало
Чье-то имя дорогое,
Словно снова на чужбинѣ
Что-то вспомнилось родное.

Какъ по мраморнымъ ступенькамъ
Герцогиня въ садъ спускалась,
Какъ въ аллеѣ вслѣдъ за нею
Лѣтней ночи тьма сгущалась,

Что̀ она съ улыбкой нѣжной
Тихо плѣннику шептала.
Что̀ сказалъ ей рыцарь блѣдный, —
И сама она не знала.

Только съ той поры на сѣверъ
Донъ Діего, рыцарь стройный,
Не глядѣлъ со стѣнъ зубчатыхъ
Съ прежней думой безпокойной.

Каждый вечеръ у балкона
Съ той поры въ аллеяхъ сада
Въ звукахъ счастья, въ звукахъ страсти
Замирала серенада.

И когда надъ замкомъ старымъ
Мѣсяцъ плылъ, лучи роняя,
По ступенькамъ въ садъ сходила
Герцогиня молодая,

Завернувшись съ головою
Въ кружевное покрывало,
А за нею по аллеѣ
Лѣтней ночи мгла стояла.

II.

Не забытъ въ народной пѣснѣ
Рыжій Педро, рабъ проклятый,
Что̀ стерегъ съ бойницы темной
Замокъ герцога зубчатый.

Первымъ герцога онъ встрѣтилъ,
Полный злобы, полный лести,
Первымъ герцогу принесъ онъ,
Рыжій Педро, злыя вѣсти.

Потемнѣлъ угрюмый герцогъ,
Гнѣвно хмуря бровь сѣдую,
Разбудилъ суровымъ словомъ
Герцогиню молодую

И спросилъ, съ улыбкой злою
Мечъ тяжелый обнажая,
Какъ безъ мужа веселилась
Герцогиня молодая.

Передъ мужемъ герцогиня
Словно тѣнь, шатаясь, встала, —
И, рыдая, въ смертномъ страхѣ
На коверъ предъ нимъ упала, —

И, припавъ къ его колѣнамъ,
Все сказала, что съ ней было,
Какъ она при блескѣ лунномъ
На свиданье въ садъ ходила,

Какъ Діего, рыцарь блѣдный,
Пѣлъ вечернею порою,
Какъ онъ властью непонятной
Овладѣлъ ея душею.

Заколдованныя струны
Подъ окномъ ея звучали,
Какъ заклятье эти звуки
На балконъ къ ней долетали...

Кровь горѣла, меркли очи,
Умъ мутился, сердце билось
Въ часъ, когда въ аллеяхъ сада
Эта пѣсня разносилась.

Онъ колдунъ, ихъ плѣнникъ блѣдный,
Полный темной властью ада!..
Никогда такою нѣгой
Не чаруетъ серенада,

Никогда земныя струны
Не звучатъ такой истомой,
Такъ душа не замираетъ
Передъ пѣснею знакомой...

Онъ колдунъ — и Инезилья
Шепчетъ герцогу въ боязни,
Что лукавый искуситель,
Блѣдный рыцарь, стоитъ казни,

Что сильно̀ надъ сердцемъ женскимъ
Очарованное слово,
Что она сама на вѣки
Въ монастырь уйти готова...

III.

Не забытъ въ народной пѣснѣ
Старый мавръ, палачъ Севильи
Подъ его сѣкирой умеръ
Соблазнитель Инезильи...

Герцогиня на балконѣ
Рядомъ съ герцогомъ стояла,
Лютой казни донъ Діего
На балконѣ ожидала.

Вотъ подъ стражей изъ темницы
Донъ Діего, рыцарь стройный,
На плечо свой плащъ закинувъ,
Вышелъ смѣлый и спокойный.

И съ улыбкою веселой,
Съ легкимъ вѣжливымъ поклономъ,
Шляпу снявъ, остановился
Онъ на мигъ передъ балкономъ.

Онъ просилъ съ улыбкой ясной,
Безъ тревоги, безъ печали,
Чтобъ ему его гитару
Для послѣдней пѣсни дали.

Удивленный просьбой странной,
Сдвинулъ брови герцогъ старый,
Но подумалъ и, какъ рыцарь,
Принести велѣлъ гитару.

Донъ Діего тронулъ струны,
Плащъ откинулъ съ плечъ могучихъ, —
И, звеня, зарокотали
Переливы струнъ пѣвучихъ.

Онъ запѣлъ—и герцогиня
Низко голову склонила,
Что-то новое, казалось,
Эта пѣсня говорила...

На нее угрюмый герцогъ
Исподлобья мечетъ взгляды, —
На балконъ несутся звуки
Вдохновенной серенады.

Въ этой пѣснѣ нѣтъ упрека,
Нѣтъ боязни, нѣтъ печали, —
Прежнимъ счастьемъ эти струны
У балкона рокотали.

Съ прежней нѣгой донъ Діего
Пѣлъ любви недавней чары,
О любви шептали струны
Очарованной гитары.

Пѣлъ Діего, Инезилью
За любовь благословляя,
Пѣлъ, волшебный часъ свиданья
Съ умиленьемъ вспоминая.

На балконѣ герцогиня
Ниже голову склонила,
Мертвымъ холодомъ, казалось,
Въ ея сердцѣ кровь застыла...

Но, разбивъ свою гитару,
Донъ Діего легъ на плаху —
И надъ нимъ свою сѣкиру
Опустилъ палачъ съ размаху.

IV.

Съ той поры волшебной пѣсней
До сихъ поръ зовутъ въ Севильѣ
Эту пѣсню донъ Діего
У балкона Инезильи.

Тотъ, кто эту пѣсню можетъ
Спѣть въ томленьи страсти жгучей,
Тотъ владѣетъ надъ сердцами
Властью чудной и могучей.

Только струны зарокочутъ,
Сердце женское проснется,
Замираетъ въ нѣгѣ томной,
Все тоскуетъ, все смѣется...

Чья-то тѣнь тогда къ периламъ
Въ кружевной идетъ мантильи,
И до утра слышенъ шепотъ
Подъ балконами Севильи.

Говорили, что не тронутъ
Неприступной донны Клары,
Избалованной сеньоры,
Севильянскія гитары,

Но, когда донъ Хозе стройный
Спѣлъ ей пѣсню донъ Діего,
Въ сердцѣ донны ледъ сломила
Севильянской пѣсни нѣга, —

Вышла донна, что смѣялась
Надъ гитарами Севильи,
На свиданье къ дону Хозе
По старинному, въ мантильи...

Говорятъ, что дочь алькада,
Хуанита молодая,
Въ первый разъ той чудной пѣснѣ
Лѣтнимъ вечеромъ внимая,

На колѣни предъ Мадонной
До зари съ молитвой стала,
Но молитвой искушенья
Отъ себя не отогнала, —

И, когда опять подъ вечеръ
Зазвучала серенада,
Легкой тѣнью въ садъ сходила
Хуанита, дочь алькада...

Гунгербургъ.
1895 3 іюля.

ПАМЯТИ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Волко̀въ-ли то воетъ голодная стая?
Шумитъ-ли то моря прибой?
То встала пурга и—отъ края до края
На степь полегла пеленой...

Рыдаетъ и стонетъ гнетущее горе
Въ порывахъ бурана степей, —
То стонъ вѣковой по проклятой недолѣ,
То гнѣвъ на неправду людей...

Но—чу!—грозный говоръ пурги заглушая,
Желѣза доносится звукъ,
Все сердце безсильной тоской надрывая,
Какъ отзвукъ страданья и мукъ...

То въ цѣпи звено о звено ударяетъ,
При каждомъ движеньи бренча, —
То волю колодникъ съ тоской вспоминаетъ,
Стальную змѣю волоча...

Не эти-ль, страдалецъ, унылые звуки
Носились въ тюрьмѣ надъ тобой?
И ихъ не забылъ ты въ минуту разлуки,
И къ намъ ихъ принесъ ты съ собой...

Звукъ цѣпи въ глаголы любви безконечной
Ты, сильный душой, перелилъ,—
Покорный велѣніямъ Истины Вѣчной,
Клеймо и желѣза простилъ...

Ты умеръ—и сѣверный вѣтеръ съ тоскою
Шумитъ надъ могилой твоей
И мчится, суровый, надъ русской землею
Къ окраинѣ южныхъ морей,—

Гдѣ волны рокочутъ, гдѣ небо синѣе,
Гдѣ лавръ зеленѣя растетъ,—
Гдѣ, грезы волшебныя въ сердцѣ лелѣя,
Поэтъ о блаженствѣ поетъ...

1882, 22 янв.

ПАМЯТИ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Угасъ Полонскій! Много, много въ немъ
Его друзья на вѣки потеряли!..
Онъ догоралъ — и не былымъ огнемъ
Его мечты горѣли и сверкали,—

Не такъ онъ пѣлъ, какъ прежде пѣть онъ могъ,—
Но въ немъ жила таинственная сила!
Какъ далеко отъ будничныхъ тревогъ
Его мечта на крыльяхъ уносила...

Онъ былъ поэтъ... Такихъ поэтовъ — нѣтъ...
И, можетъ быть, такихъ, какъ онъ, не будетъ...
Кому мечта замѣнитъ цѣлый свѣтъ?
Кто ради сновъ все въ жизни позабудетъ?

Да, ради сновъ... Великихъ, чудныхъ сновъ,
Тѣхъ свѣтлыхъ сновъ, въ которыхъ правды много...
Онъ видѣлъ ихъ сквозь длинный рядъ вѣковъ,
Онъ видѣлъ ихъ въ завѣтахъ вѣчныхъ Бога...

Младенчески-незлобивый душой,
Въ земныхъ дѣлахъ наивно-простодушный,
Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ повѣрилъ въ міръ иной,
Законамъ правды и добра послушный.

Онъ былъ пѣвцомъ и счастья, и весны, —
Онъ зла не зналъ, онъ гордо злу не вѣрилъ...
О, вѣщіе, пророческіе сны!..
Какою мѣрой нашу жизнь онъ мѣрилъ!

Святой старикъ! Задумчиво порой
Подолгу онъ внимаетъ нашимъ спорамъ,
И кажется, что видитъ смыслъ другой
Онъ за простымъ, обычнымъ разговоромъ.

Чего-то онъ отъ насъ, казалось, ждалъ,
Какой-то правды новой и прекрасной, —
Чтобъ кто-нибудь живую форму далъ
Его мечтѣ широкой и неясной...

Но что̀ бы мы сказать ему могли,
Когда онъ ждалъ могучихъ словъ пророка?
То рѣчь былая земная, для земли, —
А отъ земли онъ былъ всегда далеко...

Сквозь нашу жизнь другой, нездѣшній свѣтъ
Въ его мечтѣ предъ нимъ мерцалъ, казалось...
Угасъ поэтъ... Его межъ нами нѣтъ...
Какъ будто что отъ сердца оторвалось...

Не такъ темна съ тобою жизнь была,
Не до конца отчаянье томило...
Поэтъ, поэтъ!.. Зачѣмъ тебя взяла,
Хотя бы въ срокъ, безвременно могила?

Съ кѣмъ отдохнуть измученной душой?
Къ кому идти въ день горя и печали?
Поэтъ! поэтъ! Какъ много мы съ тобой,
Твои друзья, навѣки потеряли!..

1898, 22 окт.

У ПАМЯТНИКА МИЦКЕВИЧА.

Толпа молчитъ и ждетъ на улицахъ Варшавы—
И, дрогнувъ, медленно сползаетъ пелена...
Изъ бронзы отлитый, избранникъ польской славы,
Мицкевичъ всталъ предъ ней... Но—та же тишина...

Толпа молчитъ и ждетъ,—ни крика, ни привѣта...
Понятна мысль толпы: пусть бронза говоритъ,
Пусть говоритъ за насъ печальный ликъ поэта!
Печаленъ праздникъ нашъ и—польскій край мол-
чит...

И бронза говоритъ: ваятель далъ ей слово.
Откинувъ плащъ съ плеча, поэтъ, свой выгнувъ
станъ,
Глядитъ на небеса, безмолвно и сурово,
Съ рукою на груди, могучій, какъ титанъ.

То не молитва, нѣтъ... Съ тоскующимъ укоромъ
Онъ поднялъ голову, онъ съ небомъ говоритъ:

„За что мой край родной покрыло ты позоромъ?
„За что родной народъ въ цѣпяхъ, какъ рабъ,
лежитъ?

„Ты виновато, ты... Неправо ты судило!..
„И я встаю теперь, чтобъ споръ вести съ тобой...
„Я мести требую..." Такъ бронза говорила,
Такъ понятъ былъ поэтъ безмолвною толпой...

Толпа молчитъ и ждетъ... И чудо совершилось:
Предъ ней стоитъ поэтъ,—не бронзовый, живой!..
Свалился плащъ съ плеча, чело его склонилось
И руки медленно простеръ онъ надъ толпой.

И онъ заговорилъ: „Измученный враждою,
„Тоскующей душѣ я долго мира ждалъ.
„При жизни поднялъ я неравный споръ съ судьбою,
„И изнемогъ въ борьбѣ. И Богъ мнѣ смерть
посладъ...

„Я пѣлъ вражду и месть, — прославилъ Валлен-
рода, —
„Я Альманзора пѣлъ... Подъ властью темныхъ
силъ,
„Какъ честный мечъ въ рукахъ безсильнаго народа,
„Кинжалъ, измѣну, ядъ — я пѣсней освятилъ.

„Предъ Господомъ мой грѣхъ! Въ Немъ судъ и
оправданье!
„Съ молитвою предъ Нимъ клоню свое чело!

„Зачѣмъ же вы въ моемъ хотите изваяньи
„Увѣковѣчить ложь, увѣковѣчить зло?..

„Да развѣ Богъ для васъ — Богъ злобы и обмана?
„Да развѣ Онъ отъ васъ нечистой жертвы ждетъ?
„Зачѣмъ сквозь пелену багроваго тумана
„Языческій кумиръ надъ родиной встаетъ?

„Не Польши честный мечъ, раба кинжалъ лукавый
„Предательски дрожитъ въ испуганной рукѣ!..
„Ты, рыцарь, ты, герой, идешь къ врагу съ отравой,
„Ползешь къ его ногамъ и вьешься на пескѣ?

„Довольно! Подними чело свое изъ праха...
„Какъ много лѣтъ прошло въ позорѣ, не въ борьбѣ...
„И въ даль вѣковъ взгляни безъ зависти, безъ страха,
„Безъ призрачныхъ надеждъ и — уступи судьбѣ!

„Прочь театральный хламъ!.. Трагическою тогой
„Ты долго щеголялъ предъ міромъ безъ нужды!
„Желѣзный ходъ судьбы провѣривъ мыслью строгой,
„Спроси себя, гдѣ врагъ, откуда ждать вражды?

„Смотри же на меня: я въ бронзѣ предъ тобою!..
„И въ первый разъ я здѣсь, въ Варшавѣ... До сихъ поръ

„Не зналъ я улицъ тѣхъ, гдѣ кровь лилась рѣкою,
„Гдѣ въ битвѣ съ грудью грудь рѣшенъ былъ старый споръ.

„Я здѣсь, предъ тобой!.. Не гнѣвной Немезиды
„Изъ вѣка въ вѣкъ для васъ въ моемъ лицѣ кумиръ...
„Забыта вся вражда, забыты всѣ обиды:
„Я вамъ несу съ собой въ Варшаву — братскій миръ!

„На голосъ братскаго участья и привѣта
„Сердечно, радостно пусть вашъ привѣтъ гремитъ
„И пусть надъ головой славянскаго поэта
„Славянская заря торжественно горитъ!..

1898 г.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Гдѣ, усталый и недужный,
Смерть найду я? — Здѣсь за лѣсомъ?
Подъ шатромъ-ли пальмы южной?
Иль подъ рейнскихъ липъ навѣсомъ?

На пескѣ, въ степи далекой,
Подъ дыханьемъ жгучимъ зноя?
Тамъ, гдѣ въ берегъ одинокій
Тяжко бьютъ валы прибоя?

Все равно,—любви очами
Небо взглянетъ внизъ съ тоскою
И надгробными свѣчами
Вспыхнутъ звѣзды надо мною...

1887.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Всѣ впечатлѣнья этихъ дней
Глубоко въ сердце мнѣ запали —
И каждый лучъ твоихъ очей,
И каждый вздохъ твоей печали...

Я никому ихъ не отдамъ,
Я никогда ихъ не забуду...
И часто, часто по ночамъ
Надъ ними тихо плакать буду...

1892.

II.

Еще опасность не прошла,
Еще гроза не отшумѣла,
Но сердце робко и несмѣло
Уже надежда обвила...

И тяжелѣе стало ждать,
И нѣтъ ужъ прежняго терпѣнья, —
И до желаннаго мгновенья
Минуты хочется считать...

1892.

III.

Знаю я, ты простила меня, —
Но себѣ то простить не могу я
Рокового, безумнаго дня,
Рокового для насъ поцѣлуя...

Чѣмъ свой грѣхъ предъ тобой искуплю?
Какъ тревоги твои успокою? —
Хоть тебя я безумно люблю,
Но страданій твоихъ я не стою...

1892.

IV.

Солнце сожгло эту розу, —
Солнце она такъ любила!..
Бѣдное, бѣдное сердце,
Что твое счастье сгубило?

Весело ты просыпалось,
Пѣсня тебя разбудила...
Бѣдная, бѣдная роза,
Какъ ее солнце любило!..

1892.

V.

Погасъ огонь, который я зажегъ
Вчера въ надеждѣ наслажденья!
Я разорвалъ нарядный свой вѣнокъ
И злобно бросилъ на каменья...

Въ его цвѣтахъ гнѣздилася змѣя,
Онъ мной былъ свитъ неосторожно...
Сегодня все, чему такъ вѣрилъ я,
И далеко, и невозможно...

1892.

VI.

Знаешь-ли ты, какъ мнѣ больно,
Милая, знаешь-ли ты?..
Въ сердце закрались невольно
Счастья и нѣги мечты...

Ихъ я ласкалъ и лелѣялъ,
Кровью своей ихъ поилъ...
Грезы тѣ вѣтеръ развѣялъ,
Холодъ тѣ грезы убилъ...

1892.

VII.

Пожалѣй, моя милая,
Пожалѣй, моя нѣжная,
Это сердце унылое,
Это сердце мятежное!

Истомилось безумное
Подъ тревогой напрасною...
Пожалѣй, моя умная,
Пожалѣй, моя ясная!..

1892.

VIII.

Довольно! Замолчи! Ты надоѣлъ, поэтъ!—
О, сердце, вновь страдать мы будемъ,
Мечту нарядную забудемъ:
Намъ счастья нѣтъ...

Чужую жизнь мы портить не хотимъ...
Мы виноваты тѣмъ, что любимъ...
Нѣтъ, лучше мы себя погубимъ,
А счастье—пусть другимъ...

1892.

IX.

Стонутъ, рыдаютъ въ груди
Звуки любви и страданья...
Бѣдное сердце, не жди
Счастья и муки свиданья!..

Тѣни вечерней зари
Спорятъ съ туманомъ несмѣло...
Бѣдное сердце, умри:
Солнце твое догорѣло...

1892.

X.

Все теряя, съ тоской, съ безнадежной тоской
Въ твое сердце я молча смотрѣлъ въ эти дни,—
Поднимались въ немъ тѣни одна за одной
И гасили любви отгорѣвшей огни...

Догоралъ, умиралъ твой былой огонекъ,
Вѣялъ холодомъ взоръ твоихъ милыхъ очей,—
И я зналъ, что предъ нимъ мой безсиленъ упрекъ
И безсильны всѣ чары влюбленныхъ рѣчей...

1892.

XI.

На незримыхъ крыльяхъ, широко раскрытыхъ,
Этотъ годъ промчался бурей надо мной...
Годъ надеждъ счастливыхъ, годъ надеждъ разбитыхъ,
Ты шумѣлъ, какъ море гнѣвною волной!..

Искрами разсвѣта счастье загоралось,
Тучи набѣгали, громъ бѣдой грозилъ,—
Пѣсня чудной нѣги съ болью обрывалась,
Утреннія грезы вечеръ уносилъ...

1892.

XII.

Когда твой взоръ ко мнѣ летитъ,
Меня въ толпѣ другихъ замѣтитъ,
Мнѣ шлетъ привѣтъ, мнѣ говоритъ,
Мнѣ улыбается и свѣтитъ,—

Не вѣрю я своимъ глазамъ
И отойти хочу къ порогу,
Какъ нищій въ храмѣ, чтобы тамъ
Издалека молиться Богу...

1892.

XIII.

Пора идти!.. Нѣтъ, подожду немного...
Заныла грудь, пылаетъ голова
И рвутся съ губъ съ безумною тревогой
Безумныя, ненужныя слова...

Какъ говорить, какъ встрѣтиться мнѣ съ нею?
Зачѣмъ ей знать, что мнѣ—не разлюбить,
Что съ сердцемъ я поладить не умѣю,
Что я хочу и—не могу забыть?..

1892.

XIV.

Нѣтъ, я вѣрить тебѣ не могу,
Хоть объ этомъ глубоко тоскую,
Хоть, какъ счастье свое, берегу
Съ тихой грустью надежду больную...

Не рождалось той силы, повѣрь,
Чтобы силу любви побѣдила!
Если-бъ ты меня только любила,
Мы бы счастливы были теперь...

1892.

XV.

Легче чайки надъ зыбью морей
Мысль несется далеко, далеко, —
Вереницей нежданныхъ огней
Даль зажглась, озарилась широко...

Загорайтесь послѣднимъ огнемъ,
Догорайте послѣднія силы!..
Тѣ огни, можетъ быть, мы зажжемъ
На краю недалекой могилы...

1892.

XVI.

Мнѣ снятся дни измѣны и разлуки...
Въ тѣ дни мои наивныя мечты,
Моей любви и радости, и муки —
Забудешь ты...

Но не забудь,—ты не должна забыть:
Я закляну твои воспоминанья! —
Что буду я и въ эти дни страданья
Тобой лишь жить...

1892.

XVII.

Не торопи сегодня вдохновенья!..
Не пой, молчи: ты къ счастью не привыкъ...
Какъ жалкій рабъ, въ дни страстнаго волненья
Тебѣ, поэтъ, измѣнитъ твой языкъ...

Не торопись!.. Полна могучей власти,
Твой пылъ смиритъ волшебная мечта—
И сквозь туманъ и хмѣль безумной страсти
Нетлѣнная заблещетъ красота...

1895.

XVIII.

Весь истомился день подъ знойными лучами...
Березкѣ не поднять опущенныхъ вѣтвей,
Душистый хмѣль повисъ безжизненно на рамѣ,
Какъ будто дымъ встаетъ надъ золотомъ полей...

Протяжно жукъ звенитъ... Какой-то тонкой пылью
Подернулись кусты надъ сонною рѣкой...
И кажутся мечты живой, нарядной былью,
А все, что̀ видитъ глазъ, минутною мечтой...

1893.

XIX.

Я цѣпи отвязалъ отъ гордой колесницы:
Въ толпѣ ея рабовъ я не пойду за ней!..
Гдѣ власть, тамъ нѣтъ любви,—гдѣ сердце, нѣтъ темницы—
Кто любитъ, для того не нужно алтарей...

О, нѣтъ, не для любви стоитъ кумиръ надменный!..
Ему нужны рабы, предъ нимъ дымится кровь,—
И не услышитъ онъ ни пѣсни вдохновенной,
Ни чудныхъ тѣхъ рѣчей, что̀ говоритъ любовь...

1895.

XX.

Я молча подошелъ,—она не замѣчала,
Окружена своихъ поклонниковъ толпой...
О, нѣтъ,—то не она слова любви шептала,
Когда вчера мы съ ней сидѣли надъ рѣкой!..

Нѣтъ, это не она!.. Та нѣжно и несмѣло
Звала меня своимъ, была любви полна—
И до зари со мной разстаться не хотѣла,
И не могла уйти... Нѣтъ, это не она...

1895.

XXI.

Не любить—я совсѣмъ не умѣю,
А другой полюбить—не могу...
Все, что только я въ сердцѣ лелѣю,
Я всегда для тебя берегу...

Я о волѣ съ тобой не тоскую...
Для чего-жъ говоришь ты о томъ,
Что могу полюбить я другую,
Что не вѣчно мы будемъ вдвоемъ?..

1897.

XXII.

Небрежныхъ рифмъ капризный перезвонъ
Моимъ мечтамъ о васъ сегодня вторилъ...
Не знаю, кто—сквозь легкій, чуткій сонъ, —
Со мной весь день о васъ задорно спорилъ...

Зачѣмъ-то мнѣ хотѣлось позабыть
Все, что я зналъ,—хотѣлось снова вѣрить,
Что есть у васъ и сердце, чтобъ любить,
И нѣтъ искусства вѣчно лицемѣрить...

1895.

XXIII.

Я въ дверь твою стучалъ,—ты мнѣ не отворила,—
Я съ гнѣвомъ уходилъ, зардѣвшись отъ стыда...
А ночь была тиха—и съ высоты струила
Свой серебристый свѣтъ вечерняя звѣзда...

По темнымъ небесамъ алмазной пылью слезы,
Казалось мнѣ, она несла въ своихъ лучахъ...
Я тихо хоронилъ развѣнчанныя грезы —
И плакалъ о своихъ обманутыхъ мечтахъ...

1892.

XXIV.

Въ первый разъ твое сердце заныло,—
Разставаясь съ нарядной мечтой,
Ты сегодня глядишь такъ уныло
И тихонько вздыхаешь порой...

Не тоскуй!.. Молодыя печали
Легче тучки весенней пройдутъ:
Тѣ мечты, что сегодня увяли,
Завтра въ новой красѣ расцвѣтутъ...

1892.

XXV.

Зачѣмъ-же не вмѣстѣ стоимъ мы, рыдая,
Надъ свѣжей могилой любви?
Въ минуты страданья меня, дорогая,
Съ собой тосковать позови...

Надежды, что сердцу о счастьѣ шептали,
Повѣрь, я навѣкъ затаю...
Пусть счастье другому... Отдай мнѣ печали,
Отдай мнѣ тревогу твою...

1892.

XXVI.

О чемъ теперь тоскуешь ты,
Мнѣ жизнь давно уже сказала
И поблѣднѣвшія мечты,
Какъ вѣтеръ листья, раскидала.

А какъ любилъ я эти сны,
Размахъ широкій грезы вольной!..
И на цвѣты твоей весны
Смотрю я съ завистью невольной...

1893.

XXVII.

Тебѣ весенней красоты
Дана чарующая сила...
Скажи, какою властью ты
Мои мечты заворожила?..

За ихъ полетомъ я съ земли
Слѣжу съ задумчивой тоскою.
Такъ дружно тянутъ журавли
На югъ осеннею порою...

1896.

XXVIII.

Нужна любовь, чтобъ пѣсни были,
Чтобъ вдохновенныя мечты
Опять душѣ заговорили
Про чары вѣчной красоты.

Она, волнуясь и сверкая,
Отгонитъ тѣнь дневныхъ заботъ—
И, цѣпь за цѣпью расторгая,
Невольно сердце запоетъ...

1896.

XXIX.

Весна... Все блещетъ, все шумитъ,
Полно и свѣта, и свободы,—
И только ваше сердце спитъ
На свѣтломъ праздникѣ природы.

Будите сердце поскорѣй,—
Ему давно проснуться надо:
Сегодня первый соловей
Поетъ въ аллеѣ темной сада.,

1896.

XXX.

Не говори... Ты вся теперь другая,
Мнѣ не узнать знакомыя черты...
Какъ желтыхъ бабочекъ испуганная стая,
Несутся по вѣтру увядшіе листы...

Осенній день безмолвно догораетъ,
Уснула даль въ таинственной тѣни...
Дай умереть тому, что̀ умираетъ,—
Что̀ умерло, безмолвно хорони...

1896.

XXXI.

Я понялъ сердце: въ немъ—любовь...
До новой встрѣчи дни считаю,
За словомъ слово вновь и вновь
Твои слова я повторяю...

Душа ясна,—какъ будто въ ней
Открылось небо послѣ бури
И чудный блескъ твоихъ очей
Весь отраженъ въ ея лазури...

1896.

XXXII.

Еще вчера лучи зари
Не такъ таинственно свѣтились,
Не такъ на небѣ алтари
Въ багровомъ пламени дымились,

Не такъ тревожно день сіялъ,
Не такъ на землю ночь сходила,—
Еще вчера я самъ не зналъ,
Какъ нѣжно сердце полюбило...

1896.

XXXIII.

Среди могилъ любви твоей,
Среди оплаканныхъ видѣній,
Ты вся—печальный мавзолей
Надъ гробомъ прежнихъ увлеченій.

Какъ прежде, ветхіе листы
Влекутъ къ себѣ твое вниманье—
И мастерски читаешь ты
Любви и счастья поминанье

1896.

XXXIV.

„Сердца, сердца,“—у васъ я просилъ.
„Пѣсенъ, пѣсенъ,“—мнѣ было отвѣтомъ...
Ахъ, я вѣрилъ, и ждалъ, и любилъ,
Но для васъ я былъ только поэтомъ!

Милый другъ! Откровенно сказать,
Вы въ стихахъ понимаете мало:
Надо сердце поэту отдать,
Чтобы пѣсня въ отвѣтъ зазвучала. .

1896.

XXXV.

Не уходи... Заснули ивы
Въ тѣни у соннаго пруда,
На насъ сквозь сумракъ молчаливый
Глядитъ вечерняя звѣзда.

Какъ будто ночи грустный геній
Въ прозрачномъ сумракѣ ночномъ
На сердце, полное мученій,
Повѣялъ трепетнымъ крыломъ...

1898.

XXXVI.

(На мотивъ Гейне).

Мнѣ снилось, въ могилѣ холодной
Лежу я холодной зимой,
И кто-то безумно рыдаетъ,
Склонясь надъ могильной плитой...

И сердце мнѣ шепчетъ: не бойся,
Не бойся,—она не придетъ,
То плачетъ холодная вьюга,
То вѣтеръ могилы мететъ...

1898.

XXXVII.

Мнѣ не узнать твои черты,
Когда порой для мысли новой,
Какъ зоркій хищникъ съ высоты,
Ты сторожишь и ищешь слово, —

Когда догнать свою мечту
Ты рвешься, мучась и тоскуя,
И жадно ловишь на лету
Свою добычу, торжествуя...

1898.

XXXVIII.

На старомъ мраморѣ истертый стихъ корана,
По ветхой лѣстницѣ сползаетъ плющъ густой, —
Подъ легкимъ вѣтеркомъ, дымясь, струя фонтана
Къ обрызганной листвѣ склоняется порой...

Какъ мѣдный, спитъ орелъ подъ жгучими лучами,
Уступы темныхъ горъ безмолвно спятъ кругомъ,—
Лишь море стелется лазурными волнами,
Подножье сѣрыхъ скалъ осыпавъ серебромъ...

1898.

XXXIX.

Заря блѣднѣетъ... За прудомъ
О чемъ-то шепчетъ садъ въ дремотѣ,
Скрипитъ телѣга за селомъ,
Давно куликъ кричитъ въ болотѣ...

Какъ въ сказкѣ, здѣсь и шумъ — не шумъ:
Все дышитъ миромъ и свободой —
И хочетъ вѣрить бѣдный умъ,
Что онъ опять живетъ съ природой...

1898

XL.

На морской недвижной стали
Легъ сребристый лучъ луны.
Волны, въ гостя влюблены,
Въ упоеньи не дышали.

Море гордое, ты спишь?
У тебя-ль грозы не стало?
Иль отъ бури ты устало?
Иль отъ счастья ты молчишь?

1882.

XLI.

Латинской доблести единая награда,
О, слава, отзвучалъ могучій голосъ твой!..
Героямъ нашихъ дней твоихъ вѣнковъ не надо
И не для нихъ вѣнки, сплетенные тобой.

Народъ твой строилъ храмъ — и ты ему внимала,
Къ одной тебѣ онъ шелъ во дни суровыхъ бѣдъ, —
Ты тосковала съ нимъ—и вмѣстѣ съ нимъ сплетала
Побѣдные вѣнки во дни его побѣдъ...

1898.

XLII.

Переливать въ звенящій стихъ
Смѣшную будничную прозу,
Въ вѣнокъ изъ ландышей живыхъ
Вплетать искусственную розу —

И говорить, что ты поэтъ?!.
О, нѣтъ, ничтожный рабъ Молоха, —
Предъ богомъ пѣсенъ славы нѣтъ
Въ позорныхъ лаврахъ скомороха!..

1898.

XLIII.

(Подъ звуки музыки).

Словно искры, полетѣли звуки
Въ мглѣ ночной на темныхъ крыльяхъ вьюги...
Сердцу больно отъ тоски и муки...
Кто-то шепчетъ о далекомъ югѣ...

Слышу я тяжелый шумъ прибоя...
Кто-то пѣсню тихо запѣваетъ...
Словно кто-то имя дорогое
На чужбинѣ грустно называетъ...

1897.

XLIV.

Въ сумракъ безмолвной лагуны
Чья-то гондола плыветъ,
Плачутъ печальныя струны,
Кто-то въ туманѣ поетъ...

Прошлаго свѣтлыя грезы
Новой печали полны...
Вянутъ весеннія розы,
Гаснутъ весенніе сны...

1897.

ЛИРИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

О, повѣрь, — хороша, какъ весна,
Неразгаданной полная власти,
Вдругъ рабой поклонилась она
Передъ богомъ желанья и страсти.

Какъ спокойно надменная бровь
Прежде смѣлой дугою сгибалась!
Въ это сердце, казалось, любовь
Никогда постучать не рѣшалась...

Стыли думы на блѣдномъ челѣ,
Губъ улыбка раскрыть не умѣла...
И, казалось, ничто на землѣ
Этой гордой душой не владѣло...

Вдругъ, — смущенья и нѣги полна,
Словно чуя весенніе громы,
Встрепенулась, проснулась она,
Вся въ огнѣ непонятной истомы...

И смиренно предъ богомъ любви,
Какъ его вдохновенная жрица,
Преклонила колѣни свои
Равнодушная прежде царица...

1893.

Храмъ засыпалъ... Ночь развила
Надъ нимъ покровы легкой тѣни
И южной ночи полумгла
Ложилась тихо на ступени...

„Другой здѣсь былъ когда-то храмъ.
„Здѣсь прежде идоламъ служили, —
„Здѣсь въ изступленіи богамъ
„Людскія жертвы приносили...

„Давно развѣнчанный кумиръ
„Упалъ на мраморныя плиты,
„И замеръ звонъ священныхъ лиръ,
„И алтари давно разбиты...

„И тамъ, гдѣ прежде жертвы кровь
„Лилась и пѣла томно лира,
„Давно поставила любовь
„Храмъ всепрощенія и мира...“

Такъ говорилъ монахъ сѣдой
И взоръ его былъ молодъ снова...
Зачѣмъ же слушалъ я съ тоской
Его восторженное слово?..

Упалъ и мой любимый храмъ,
Куда всѣ жертвы несъ я прежде...
Упалъ... И нѣтъ молитвы тамъ,
И больше мѣста нѣтъ надеждѣ...

Тамъ отравлялъ меня, тамъ жегъ
Дымъ опьяняющихъ куреній...
Онъ былъ суровъ, онъ былъ жестокъ,
Тѣхъ алтарей надменный геній!..

А я, какъ рабъ, у ногъ его
Томился въ жаждѣ жертвы новой,
Всю кровь изъ сердца своего
Лить на алтарь его готовый...

И онъ—упалъ... Ему не встать:
Онъ пустъ и холоденъ, какъ камень...
Ему не могутъ жизни дать
Огонь любви и вѣры пламень!..

Но изъ камней своихъ руинъ
Я алтарей другихъ не строю...
И часто тамъ брожу одинъ
Съ своей задумчивой тоскою...

Встаетъ знакомая печаль,
Невольно глазъ слеза туманитъ...
И все назадъ зоветъ и манитъ...
И снова—прошлаго мнѣ жаль...

1893.

Весь обвѣянъ дыханіемъ ночи,
Весь встревоженъ нежданной мечтой,
Какъ безумный, въ любимыя очи
Я смотрѣлъ съ непонятной тоской...

Въ нихъ, какъ сонъ, новый міръ загорался,
Чуждый горя, заботъ и тревогъ...
И я счастью повѣрить боялся,
И не вѣрить я счастью не могъ...

И въ туманѣ любви обаянья
Вдругъ зажглась предъ ожившей душой
Ядовитая горечь страданья
Отравившаго умъ молодой...

Все, что сердце безумной тоскою
Безпощадно томило и жгло,
Все, что нà сердце ранней порою,
Словно камень тяжелый, легло, —

Все я вспомнилъ... А ночь опьяняла,
Пѣсни чудныя пѣлъ соловей
И, чаруя, мнѣ въ грудь западала
Нѣга вырванныхъ страстью рѣчей...

Новыхъ чаръ непонятная сила
Весь тотъ ледъ, что̀ мнѣ сердце сковалъ,
Словно вешній потокъ, уносила...
Какъ ребенокъ, я вдругъ зарыдалъ...

Сердце всѣмъ пережитымъ рыдало, —
А кругомъ, въ свѣтлой ризѣ луны,
Ночь роскошная страстно дышала,
Навѣвая волшебные сны...

1884.

РЫЦАРЮ У КАМИНА.

О, рыцарь, знай, — тебя вчера я
Отъ всей души благословилъ!..
Какъ херувимъ у двери рая,
Ты наше счастье сторожилъ...

Въ рукѣ сжимая мечъ огромный,
Поднявъ забрало, ты стоялъ —
И никого въ нашъ уголъ темный,
Какъ другъ надежный, не пускалъ.

А тамъ — веселый и счастливый
Жемчужный смѣхъ, и блескъ очей,
И золотые переливы
Тревожныхъ, ласковыхъ рѣчей, —

Стыдливый лепетъ первой грезы,
Любви и молодости сны,
И расцвѣтающія розы
Благоухающей весны...

1895.

ЗЕЛЕНЫЙ САДЪ.

Какъ тихо спитъ въ гробу она!..
Зима прошла, земля проснулась,
Съ цвѣтами свѣжими весна
Въ гирляндахъ зелени вернулась...

А здѣсь — ненужный свѣтъ огней,
Въ дыму кадильномъ тонетъ зало
И тяжело лежитъ на ней
Парчи тяжелой покрывало...

Зачѣмъ такъ сумрачно звучитъ
Напѣвъ торжественной печали,
Когда нашъ садъ опять шумитъ
И соловьи зарокотали?

Всегда изъ первыхъ васильковъ
Она плела вѣнокъ тяжелый
И зелень яркую луговъ
Встрѣчала пѣснею веселой...

И ждетъ ее зеленый садъ,
Гдѣ въ зной она искала тѣни,
Гдѣ по веснѣ свой ароматъ
Струятъ лиловыя сирени, —

Гдѣ, распустивши волоса,
Она играла раннимъ утромъ,
Когда на ландышахъ роса
Переливалась перламутромъ, —

Гдѣ тихой лаской по ночамъ
На легкій вздохъ ея печали,
Понятной чистымъ небесамъ,
Ей съ неба звѣзды отвѣчали, —

Гдѣ тихо плещется рѣка,
Сухой тростникъ шумитъ уныло, —
Гдѣ, можетъ быть, и смерть легка,
И слышитъ жизни шумъ могила...

1894.

Смиряя помыслъ жизнью строгой,
Въ иныхъ, заоблачныхъ мірахъ,
Онъ ищетъ правды, ищетъ Бога,
Онъ ждетъ блаженства — въ небесахъ.

И по веснѣ, когда глубоко
Сквозитъ сводъ неба голубой,
Когда гремятъ струи потока
Побѣдой новой и живой,

Когда все полной жизнью дышитъ,
Все славитъ радость бытія, —
Лишь онъ не ждетъ, лишь онъ не слышитъ
Весенней пѣсни соловья, —

Какъ будто жизнь ему чужая,
Какъ будто онъ для насъ—чужой,
Какъ будто эти пѣсни Мая
Не отзвукъ пѣсни неземной...

1898.

Зачѣмъ ты снова предо мной
Явился, геній благодатный,
Съ своею лаской молодой,
Съ своею властью непонятной?

Въ добро я вѣровать отвыкъ,
Подъ гнетомъ горя и лишеній
Сковалъ я смѣлый мой языкъ,
Забылъ восторги вдохновеній,

Неволи я не замѣчалъ,
Гремя желѣзными цѣпями...
Зачѣмъ ты, геній, вновь предсталъ
Съ своими чудными рѣчами?..

...И онъ божественной рукой
Моей тюрьмы раздвинулъ своды,
И вдаль смотрѣлъ я, и съ тоской
Внималъ вѣщаніямъ свободы...

Мой гордый нравъ минувшихъ дней
Съ былою мощью пробудился —
И я глубоко устыдился
За мракъ тюрьмы, за звонъ цѣпей...

...Но мнѣ оковъ не разрубить,
Не разломать тюрьмы до вѣка...
О, какъ жестоко разбудить
Въ рабѣ безсильномъ человѣка!....

1882.

Чей челнокъ былъ привязанъ у сада,
Тамъ, гдѣ ивы стоятъ надъ рѣкой? —
Отчего ты сегодня и рада,
И грустна, и вздыхаешь порой?

Чѣмъ зажглись, отчего засвѣтились
Твои глазки стыдливымъ огнемъ? —
И вчера, когда тѣни сгустились,
Кто стоялъ у тебя подъ окномъ?

Гдѣ вчера ты жасминъ уронила?
Гдѣ брала полевые цвѣты? —
И куда ты вчера уходила
И такъ поздно вернулася ты?

1883.

Лѣнь вѣковая, тупое терпѣнье,
Сонъ непробудный холопскаго вѣка, —
Но, какъ и прежде, не знаетъ стѣсненья
Мысль человѣка.

Пусть поколѣнье рабовъ затаится,
Жизнь сберегая въ безславные годы, —
Силою мысли средь тьмы загорится
Солнце свободы.

Вѣчнаго міра безсмертныя силы,
Жизнь созидая, работаютъ вѣчно.
Мысль разгадаетъ и жизнь, и могилы:
Мысль безконечна.

Мгла разбѣжится предъ мыслью державной,
Все озарится, что̀ было не видно, —
Будетъ толпѣ, добровольно безславной,
Больно и стыдно.

Отзвукомъ жизни весь міръ наполняя,
Люди возстанутъ къ свободѣ готовы, —
Дрогнетъ позорная цѣпь вѣковая,
Рухнутъ оковы.

И человѣчеству данью свободной
Новую мысль проживутъ поколѣнья
И не умрутъ въ повтореньи безплодномъ
Смертью забвенья.

1885.

Нѣтъ цвѣтовъ на зеленомъ лугу,
Далеко еще красное лѣто, —
Но къ тебѣ я придти не могу
На свиданье съ тобой безъ букета.

Тѣ мечты, чтò я въ сердцѣ таю,
Грезы, полныя нѣги стыдливой,
Я тебѣ на букетъ перевью
Звонкой рифмой, какъ лентой красивой...

И не скоро завянутъ мечты,
Будутъ свѣжи весеннія грезы...
Не замѣтила только бы ты,
Что на нихъ не росинки, а слезы...

1896.

Когда таинственной рукой
Зажгутся въ небѣ звѣзды ночи,
Когда въ борьбѣ съ невѣрной мглой
То зорки, то безсильны очи,

Когда все свѣтъ на небесахъ,
А на землѣ все ложь и тѣни, —
Почуя въ сердцѣ вѣщій страхъ,
Склони молитвенно колѣни!

Земная мѣра—здѣсь обманъ,
Земные счеты—здѣсь случайны,
Какъ будто сквозь земной туманъ
Намъ неземныя свѣтятъ тайны...

И эти тайны—кто пойметъ?
Гдѣ мысль, гдѣ слово для вопроса?
Чья тѣнь таинственно встаетъ
Изъ нѣдръ предвѣчнаго хаоса?

1898.

Закатъ печально догоралъ,
Дремала туча надъ заливомъ —
И долго, долго я внималъ
Волны вечернимъ переливамъ...

И огонекъ погасъ вдали,
И шире ночь бросала тѣни,—
А предо мной все шли да шли
Толпы неясныхъ сновидѣній...

Далекій садъ... Твоихъ аллей
Въ былыя ночи гость случайный,
Я схоронилъ въ душѣ своей
Твои плѣнительныя тайны!..

Надъ нами тучи пронеслись,
Любовь смѣнила въ сердцѣ злоба —
И безъ привѣта разошлись
Мы, горды и несчастны оба...

Минутный гнѣвъ намъ сердце жегъ,
Мы дней счастливыхъ не считали...
И я позвать ея не могъ,
Когда тѣ тучи миновали...

И вновь мечты былого сна
Проснулись въ сердцѣ молчаливомъ...
И тихо въ берегъ бьетъ волна,
И дремлетъ туча надъ заливомъ...

1889.

Струны дрожью рыданій звучали,
Былъ задумчивъ пѣвецъ молодой...
И, какъ вздохъ затаенной печали,
Первый звукъ прозвенѣлъ надъ рѣкой...

Счастье встрѣчи, восторги свиданья,
И тревога влюбленныхъ рѣчей,
И нѣмое томленье прощанья,
И тоска одинокихъ ночей —

Все проснулось для жизни тревожной
Въ пѣснѣ, полной тоски молодой,
Полной жажды любви невозможной,
Полной муки и страсти былой...

Что-то сердце, змѣей ядовитой
Обвивая, ласкало и жгло...
Съ новой болью любви пережитой
Отравленное чувство жило...

И глубоко въ груди закипали
Слезы горькой и жгучей струей...
Звуки, дрогнувъ, вдали замирали...
Былъ безмолвенъ пѣвецъ молодой...

1884.

Какъ хочется опять заслышать громъ!..
Въ покоѣ сонномъ жизнь остановилась, —
Какъ полночью, все замерло кругомъ,
Все въ тѣнь ушло и робко затаилось...

А лѣтомъ-то!.. И грозенъ, и могучъ,
Какъ юный вождь, отъ края и до края
Промчится громъ съ дружиной темныхъ тучъ,
Какъ будто все на битву вызывая...

Предъ нимъ, за нимъ,—вездѣ ряды огней,
Все шлетъ отвѣтъ на зовъ его могучій,
Шатаясь вихрь клубится межъ полей,
Реветъ рѣка и стонетъ лѣсъ дремучій.

А онъ уйдетъ,—и снова спитъ рѣка,
По каплямъ дождь съ березокъ звонко льется,
И въ блескѣ дня, подъ лаской вѣтерка,
Все, все живетъ, ликуетъ и смѣется...

1896.

Зачѣмъ слеза невольная одѣла
Рѣсницы шелкъ жемчужною росой?
Какая грусть такъ рано пролетѣла
Надъ этою головкой молодой?

Гдѣ прежній смѣхъ и лепетъ беззаботный?
Забыла ты и пѣсни, и цвѣты?
Смущенная тревогой безотчетной,
Чего ты ждешь, о чемъ тоскуешь ты?

Зачѣмъ глядятъ такъ жадно, такъ пытливо
Твои глаза въ синѣющую даль?
Какая грусть таится такъ ревниво?
О чемъ слеза? О чемъ твоя печаль?

1883.

Придетъ пора,—въ толпѣ, среди людей
Ты не найдешь ни правды, ни покоя,—
И вспомнишь ты просторъ родныхъ полей,
И вспомнишь ты безмолвіе ночное...

Тогда бѣги житейской суеты,
Бѣги людей,—одинъ въ молчаньи строгомъ,
Отбросивъ всѣ надменныя мечты,
Стань, какъ дитя, съ молитвой передъ Богомъ.

Подъ вечеръ жизни скученъ жизни шумъ...
Подходитъ смерть... Готовъ ли ты для встрѣчи?
Въ людской толпѣ—въ оковахъ дня твой умъ,
Въ оковахъ лжи твои земныя рѣчи...

Иди туда, гдѣ сонная рѣка
Слегка журчитъ волною говорливой,
Гдѣ въ знойный день дыханье вѣтерка,
Какъ въ забытьи, проносится надъ нивой,

Гдѣ ночь тиха, гдѣ звѣзды высоко
Горятъ въ вѣнцахъ надъ спящею землею...
Тамъ смерти ждать отрадно и легко,
Тамъ нѣтъ чужихъ межъ Богомъ и тобою.

1898.

Встрѣчая вечеръ жизни скучной,
Я окна ставнями закрылъ,
Чтобъ сѣрыхъ будней шумъ докучный
Послѣднихъ сновъ не возмутилъ.

Зачѣмъ, безумецъ, въ дни былые
Дѣлилъ я, Муза, не съ тобой
Мечты и грезы золотыя,
Восторги жизни молодой?

Зачѣмъ я, рабъ постыдной лѣни,
Земнымъ кумирамъ жертвы жегъ?
Зачѣмъ склонить свои колѣни
Предъ алтаремъ твоимъ не могъ?

Приди теперь, чтобъ могъ я снова
Тебѣ молиться и служить, —
Твой каждый звукъ, намекъ и слово
Съ слезами счастья повторить...

1899, янв. 29.

СОНЕТЫ ПЕТРАРКИ.

I.

О если, Аполлонъ, въ тебѣ еще живетъ
Любовь, что̀ въ сердцѣ ты таилъ во дни былые,
И если помнишь ты изгибы золотые
Волосъ, распущенныхъ близъ ѳессалiйскихъ водъ,—

Храни любимый лавръ [1]) отъ холода зимы,
Храни его отъ бурь и скучнаго ненастья!...
Заботиться о немъ—вѣдь въ этомъ наше счастье:
Ты первый, я потомъ—его любили мы...

Во имя тѣхъ надеждъ, которыми ты жилъ,
Когда ты въ первый разъ томился и любилъ,—
Молю тебя,—разсѣй тяжелыхъ тучъ громады...

---

[1]) Лавръ (Lauro) постоянный синонимъ Лауры (Laura).— Недалеко отъ Адмета Аполлонъ влюбился въ нимфу Дафну которая, спасаясь отъ его преслѣдованiя, умолила боговъ превратить ее въ лавръ.

И въ умиленіи увидимъ мы съ тобой,
Какъ отъ твоихъ лучей лилейною рукой
Она закроется, ища на мигъ прохлады.

II.

Когда тотъ лавръ [1]) отъ насъ сбирается въ путь
дальній,
Что Феба въ первый разъ тепломъ любви согрѣлъ,—
Вулканъ Юпитеру не напасется стрѣлъ
И съ молотомъ въ рукахъ стоитъ у наковальни...

Будь лѣто, будь зима,—съ небесной высоты
Юпитеръ громы шлетъ, Юпитеръ тучи водитъ,
Отъ плачущей земли влюбленный Фебъ уходитъ,
Чтобъ видѣть каждый день любимыя черты...

Тогда Сатурнъ и Марсъ [2]) глядятъ на насъ съ зенита,
И бурный Оріонъ [3]) пугаетъ рыбаковъ,
И рветъ ихъ паруса... Эолъ кричитъ сердито

---

[1]) Лавръ—Лаура.

[2]) По взгляду того времени, Сатурнъ и Марсъ производили пагубное вліяніе на людей.

[3]) Оріонъ—врагъ моряковъ, по словамъ Горація; онъ поднимаетъ туманы, по словамъ Овидія.

Надъ моремъ, надъ землей, въ туманѣ облаковъ,
Что ангеловъ мечта отъ насъ за далью скрыта,
Что лавра больше нѣтъ среди родныхъ лѣсовъ...

III.

Когда же вновь нашъ взоръ въ чертахъ ея лица
Улыбку кроткую и ласковую ловитъ, —
Напрасно молніи хромой Вулканъ [1]) готовитъ:
Не нужно въ эти дни перуновъ кузнеца!

Ихъ некому метать. Юпитеръ отгремѣлъ,
Прозрачна и ясна сестра его Юнона,
И нѣжится земля подъ лаской Аполлона,
И, кажется, что міръ отъ счастья онѣмѣлъ.

Рыбакъ пустилъ свой челнъ на прихоти волны,
Безшумно и легко Зефира крылья вѣютъ,
Опять въ цвѣтахъ луга,—въ цвѣтахъ, какъ въ дни весны;

Ни Марсъ, ни Оріонъ на насъ взглянуть не смѣютъ
Предъ яснымъ взоромъ той, которою полны
Мои глаза отъ слезъ отвыкнуть не умѣютъ...

---

[1]) Хромоногій Вулканъ или Гефестъ куетъ Юпитеру молніи въ горѣ Этнѣ, гдѣ циклопы служатъ ему подмастерьями.

IV.

Сорвавшись съ Альпъ холодной высоты,
Угрюмыхъ скалъ раздвинувъ мощно своды,
Мчитъ Рона вдаль серебряныя воды,
Куда меня зовутъ мои мечты [1]).

Мнѣ не поспѣть, о Рона, за тобой...
Иди впередъ, — но бѣгъ нетерпѣливый
Останови, гдѣ ярче зелень нивы,
Гдѣ чистъ и ясенъ воздухъ голубой,

Гдѣ все свѣтло, гдѣ берегъ твой цвѣтетъ,
Гдѣ наше солнце свѣтитъ и живетъ
И обо мнѣ, быть можетъ, вспоминаетъ...

---

[1]) Поэтъ, возвращаясь изъ путешествія по Германіи, шлетъ свой привѣтъ внизъ по Ронѣ къ Авиньону, гдѣ въ то время жила Лаура.

И въ тихомъ рокотѣ твоихъ пѣвучихъ струй
Она подслушаетъ тотъ робкій поцѣлуй,
Что̀ издали ей путникъ посылаетъ...

V.

Передъ звѣздой съ прекрасными очами
Полны любви счастливыя мечты...
Гдѣ нѣтъ ея, — тамъ нѣтъ и красоты,
И ночь свѣтла ея любви лучами.

И рядомъ съ ней — нѣтъ мѣста для другой,
Вѣка прошли — и не было ей равной...
Что̀ красота гречанки своенравной,
Троянской плѣнницы, предъ этой красотой?

Гдѣ гордость Аргоса? Гдѣ чары Гипсипилы?
Гдѣ слава римлянки, что̀ темный мракъ могилы
Безславной жизни смѣло предпочла?

Зачѣмъ же ты на небѣ нашей ночи
Такъ рано гасишь пламенныя очи
И поздно такъ свои огни зажгла?..

VI.

Бѣлая лань съ золотыми рогами
Въ зелени яркой явилася мнѣ —
Тамъ, гдѣ съ привѣтомъ пѣвучимъ веснѣ
Лавры шумятъ молодыми вѣтвями.

Гордая, стройная, — сердце мое
Быстрая лань за собой уносила...
Сердце въ безумномъ желаньи заныло,
Все я забылъ, догоняя ее...

Надпись алмазами, словно огонь,
Шею ея обвивала: „не тронь, —
„Цезарь хотѣлъ, чтобы стала я вольной“...[1])

Солнце стояло на полднѣ... Отъ ней
Не отводилъ я влюбленныхъ очей,
Вдругъ закипѣвшихъ слезою невольной...

---

[1]) Намекъ на оленей Цезаря и на волю Бога, который рѣшилъ освободить Лауру отъ земныхъ печалей.

VII.

Средь юныхъ женъ, прекрасна и чиста,
Она одна,—ей равныхъ нѣтъ на свѣтѣ...
Какъ меркнутъ звѣзды на разсвѣтѣ,
Такъ передъ ней блѣднѣетъ красота.

Прекрасна жизнь, пока живетъ она,—
Порою сердце шепчетъ мнѣ больное,—
А безъ нея погибнетъ все святое
И будетъ жизнь печальна и темна...

Какъ безъ луны и солнца неба сводъ,
Какъ человѣкъ безъ разума и слова,
Безъ рыбъ и волнъ просторъ пустынныхъ водъ,

И темный лѣсъ безъ голоса живого,—
Такъ будетъ все беззвучно и сурово,
Когда она послѣднимъ сномъ уснетъ...

VIII.

О, Любовь, разскажи мнѣ, въ какомъ-же краю
Ты нашла этихъ косъ золотую струю?
О, скажи мнѣ, скажи, гдѣ та роза росла,
Что на этихъ щекахъ горячо зацвѣла?

О, скажи, у какихъ ты нашла береговъ
Перламутры и матовый жемчугъ зубовъ?
И откуда на мраморъ холодный чела
Красота въ этомъ блескѣ могучемъ сошла?

И не ангелы-ль пѣсни тѣ пѣли въ раю,
Что ласкали и мучили душу мою,
Что чаруютъ меня чудной нѣгой своей?

И не солнце-ль зажгло пламя этихъ очей,
Что въ груди моей сердце то нѣжатъ, то жгутъ,
То блаженство сулятъ, то ненастье несутъ?

IX.

Съ лукавой дерзостью свое обдумавъ мщенье, [1])
Лукъ мѣткій и колчанъ Амуръ тихонько взялъ
И, притаясь въ засадѣ, выжидалъ,
Чтобъ мнѣ отмстить, удобнаго мгновенья.

А сердце я отъ стрѣлъ его берегъ,
Хоть на него онъ тратилъ стрѣлъ не мало!..
И вдругъ одна такъ мѣтко въ цѣль попала,
Что больше съ нимъ бороться я не могъ...

Онъ побѣдилъ нежданнымъ нападеньемъ...
А то-бы я броней себя одѣлъ,
Иль на скалѣ себѣ построилъ укрѣпленье

И скрылся тамъ отъ этихъ мѣткихъ стрѣлъ...
Теперь-же нѣтъ надежды на спасенье:
Я не могу бѣжать, хотя-бы и хотѣлъ...

[1]) Второй или, вѣрнѣе, первый сонетъ въ Canzoniere Петрарки (первый написанъ впослѣдствіи и является какъ-бы введеніемъ въ сборникъ сонетовъ), открывающій циклъ сонетовъ въ честь Лауры.

X.

Могучій Цезарь слезы лилъ въ печали
Отъ жалости, отъ скорби сердца жгучей,
Когда въ бою орлы Помпея пали,
Когда въ бою погибъ Помпей могучій.

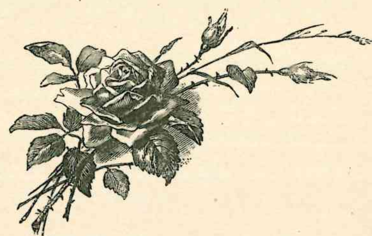
Когда Саулъ погибъ у горъ Гелвуя,
Мятежный сынъ [1]) палъ мертвымъ подъ стрѣ-
лами,
Давидъ забылъ вражду ихъ и, тоскуя,
Въ печали сердца плакалъ надъ врагами.

У вашихъ ногъ я, рабъ вашъ, умираю,—
Отъ вашихъ стрѣлъ горитъ подъ сердцемъ
рана,—
Но жалости отъ васъ, моя Діана,
За годомъ годъ напрасно ожидаю...

Во мнѣ тоска, томленье и тревога,
А вы глядите холодно и строго...

[1]) Авессаломъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛЕГЕНДЫ и ДУМЫ.

		СТРАН.
I.	Графъ Неверъ	3
II.	Vae victis	10
III.	Мелхола	13
IV.	Царица мысль	24
V.	Ядовитый цвѣтокъ	29
VI.	Осень пѣсни ненастныя пѣла	35
VII.	Видѣніе костей	38
VIII.	Тріумфъ Клеопатры	44
IX.	Волшебная пѣсня	47
X.	Памяти Ѳ. М. Достоевскаго	57
XI.	Памяти Я. П. Полонскаго	59
XII.	У памятника Мицкевича	62
XIII.	Изъ Гейне	99

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.	Всѣ впечатлѣнья этихъ дней	69
II.	Еще опасность не прошла	70
III.	Знаю я, ты простила меня	71

СТРАН.

IV. Солнце сожгло эту розу 72
V. Погасъ огонь, который я зажегъ 73
VI. Знаешь-ли ты, какъ мнѣ больно 74
VII. Пожалѣй, моя милая 75
VIII. Довольно! Замолчи! Ты надоѣлъ, поэтъ! . . . 76
IX. Стонутъ, рыдаютъ въ груди 77
X. Все теряя, съ тоской, безнадежной тоской . . 78
XI. На незримыхъ крыльяхъ, широко раскрытыхъ . 79
XII. Когда твой взоръ ко мнѣ летитъ 80
XIII. Пора идти! Нѣтъ, подожду немного 81
XIV. Нѣтъ, я вѣрить тебѣ не могу 82
XV. Легче чайки надъ зыбью морей 83
XVI. Мнѣ снятся дни измѣны и разлуки 84
XVII. Не торопи сегодня вдохновенья! 85
XVIII. Весь истомился день подъ знойными лучами . 86
XIX. Я цѣпи отвязалъ отъ гордой колесницы . . . 87
XX. Я молча подошелъ,—она не замѣчала 88
XXI. Не любить—я совсѣмъ не умѣю 89
XXII. Небрежныхъ рифмъ капризный перезвонъ . . 90
XXIII. Я въ дверь твою стучалъ,—ты мнѣ не отворила. 91
XXIV. Въ первый разъ твое сердце заныло 92
XXV. Зачѣмъ же не вмѣстѣ стоимъ мы, рыдая . . . 93
XXVI. О чемъ теперь тоскуешь ты 94
XXVII. Тебѣ весенней красоты 95
XXVIII. Нужна любовь, чтобъ пѣсни были 96
XXIX. Весна... Все блещетъ, все шумитъ 97
XXX. Не говори... Ты вся теперь другая 98
XXXI. Я понялъ сердце: въ немъ—любовь 99
XXXII. Еще вчера лучи зари 100
XXXIII. Среди могилъ любви твоей 101
XXXIV. «Сердца, сердца», у васъ я просилъ 102
XXXV. Не уходи... Заснули ивы 103

СТРАН.

XXXVI. Мнѣ снилось, въ могилѣ холодной 104
XXXVII. Мнѣ не узнать твои черты 105
XXXVIII. На старомъ мраморѣ истертый стихъ корана . . 106
XXXIX. Заря блѣднѣетъ... За прудомъ 107
XL. На морской недвижной стали 108
XLI. Латинской доблести единая награда 109
XLII. Переливать въ звенящій стихъ 110
XLIII. Словно искры, полетѣли звуки 111
XLIV. Въ сумракъ безмолвной лагуны 112

ЛИРИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

I. О, повѣрь, хороша, какъ весна 115
II. Храмъ засыпалъ 117
III. Весь обвѣянъ дыханіемъ ночи 120
IV. Рыцарю у камина 122
V. Зеленый садъ 124
VI. Смиряя помыслъ жизнью строгой 126
VII. Зачѣмъ ты снова предо мной 127
VIII. Чей челнокъ былъ привязанъ у сада 129
IX. Лѣнь вѣковая, тупое терпѣнье 130
X. Нѣтъ цвѣтовъ на зеленомъ лугу 132
XI. Когда таинственной рукой 133
XII. Закатъ печально догоралъ 134
XIII. Струны дрожью рыданій звучали 136
XIV. Какъ хочется опять заслышать громъ 138
XV. Зачѣмъ слеза невольная одѣла 139
XVI. Придетъ пора, въ толпѣ, среди людей 140
XVII. Встрѣчая вечеръ жизни скучной 142

СОНЕТЫ ПЕТРАРКИ

СТРАН.
I. О, если Аполлонъ, въ тебѣ еще живетъ . . . 145
II. Когда тотъ лавръ отъ насъ сбирается въ путь дальнiй 147
III. Когда же вновь нашъ взоръ въ чертахъ ея лица 149
IV. Сорвавшись съ Альпъ холодной высоты. . . . 150
V. Передъ звѣздой съ прекрасными очами. . . . 152
VI. Бѣлая лань съ золотыми рогами 153
VII. Средь юныхъ женъ прекрасна и чиста 154
VIII. О, любовь, разскажи мнѣ, въ какомъ же краю . 155
XI. Съ лукавой дерзостью свое обдумавъ мщенье . 156
X. Могучiй Цезарь слезы лилъ въ печали 157

